Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

ИВАН СТАДНЮК

Следопыты

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1954

Сканирование: AAW

Обработка: krestik

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИВАН СТАДНЮК

СЛЕДОПЫТЫ

ПОВЕСТЬ

*Издание второе, дополненное
и переработанное*

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва — 1954

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Часть первая. Без вести пропавший

Часть вторая. Враг оставил следы

Редактор полковник *Ченцов Н. И.*
Художник *Макаров Г. Г.*
Технический редактор *Мясникова Т. Ф.*
Корректор *Назарова О. М.*

Сдано в набор 11.06.54 г. Подписано к печати 18.09.54 г.
Формат бумаги $70\times92^{1}/_{32}$ — $4^{1}/_{2}$ печ. л. = 5,265 усл. п. л.
5,025 уч.-изд. л. Г-03346.
Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР
Москва, Тверской бульвар, 18. Изд. № 1/7148. Зак. 254.

1-я типография имени С. К. Тимошенко
Управления Военного Издательства
Министерства Обороны Союза ССР

Цена 1 р. 25 к.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

1. СЕРЖАНТ ПЛАТОНОВ

Сержанту Ивану Платонову не повезло. Как ни добивался, а вернуться в родной полк после лечения в госпитале ему не удалось. И вот он в штабе незнакомого полка получил бумажку, в которой написано, что сержант Платонов назначается во взвод пешей разведки на должность командира отделения.

Выйдя из землянки, Платонов оглянулся вокруг. Пытливые, чуть раскосые глаза сержанта приметили слегка возвышающиеся над землей бугры штабных землянок, железные трубы-дымоходы, около них жердевые дорожки, выстеленные на раскисшей земле, стопки свеженаколотых дров у землянок.

«Обжитое местечко», — подумал Иван и прислушался. Дыхание переднего края отчетливо доносилось сюда. Где-то не очень далеко грохотали разрывы мин, басовито стукал крупнокалиберный пулемет, высоко в небе надрывно, с придыханием, гудел немецкий самолет-разведчик. И вдруг среди этих грозных

звуков боя Платонов совсем рядом услышал тоненькое и звонкое:

Тень-тень-тень! Тень-тянь!..

«Пеночка!» — догадался Иван и тут же разглядел на сосновой ветке желтовато-белесую грудку лесной пичужки. — «Уже прилетела! Как у нас в тайге...»

Веселое, беззаботное теньканье пеночки точно встряхнуло Ивана. Кажется, он только сейчас заметил, что вокруг — в полном разгаре весна. И его лицо, широкое, курносое, с острыми живыми глазами под рыжей, взлохмаченной щетиной бровей, посветлело, распрямились чуть сутулые плечи.

Сержант закинул за спину вещевой мешок с нехитрыми солдатскими пожитками и пошел искать землянку разведчиков. Она, как сказал ему щеголеватый помощник начальника штаба, находилась где-то по ту сторону дороги.

На дороге, которая, огибая землянки, убегала вглубь леса, стояла легковая машина. Возле нее топтался шофер — среднего роста длинноносый парень в синем комбинезоне. Увидев Платонова, шофер окликнул его:

— Дорогуша, дай-ка спичечку — прикурить нечем!

Платонов подошел к машине. Не торопясь, послал руку в карман, достал зажигалку, энергично крутнул большим пальцем колесико с насечкой и, поднося зажигалку шоферу, назидательно сказал:

— Огонек у солдата всегда должен быть.

Шофер прикуривал долго, старательно (видать, табак у него был сырой), потом сделал несколько глубоких затяжек и лишь после

этого удостоил сержанта беглым, коротким взглядом.

— Учитель выискался!..

Платонов спрятал зажигалку и укоризненно посмотрел шоферу в лицо — молодое, с озорными, чуть навыкате глазами.

— Учить-то тебя нужно. Да построже! Вот ты возишь своего начальника и, кроме баранки, ничего не хочешь знать. Хотя бы грязь от блиндажа отгреб. Нога, небось, больная у него?..

— А вы, что же, бывали возле моей землянки? — услышал вдруг Платонов голос за своей спиной. Иван повернулся и увидел высокого, худощавого мужчину в коричневой кожанке до колен. Под кожанкой над верхним краем голенищ сапог разглядел генеральский лампас. Это был командир дивизии Чернядьев.

— И откуда вам, товарищ сержант, известно, что у меня нога болит? — В голосе генерала чувствовалось любопытство.

Поборов минутное замешательство, Платонов выпрямился и ответил:

— Я, товарищ генерал, сибиряк-охотник.

— Ну и что же?

— Умею немного читать написанное на земле.

— Где же вы прочитали, что возле моей землянки еще не просохло?

— А вот глина на подножке машины. След сапога тоже в глине, — Платонов указал на нерастаявший пласт почерневшего снега, куда ступал генерал, выйдя из эмки.

— А о ноге?.. — все больше заинтересовываясь, спрашивал командир дивизии.

— Это тоже по следам видать: шаг правой ноги широкий, след глубокий. А левой ступали осторожно — след мелкий, шаг узкий. Наверно, ранена левая нога.

Генерал одобрительно усмехнулся.

— Правильно и логично... Как ваша фамилия?

— Сержант Платонов, назначен командиром отделения во взвод полковой разведки.

Генерал пристальным, опытным взглядом смотрел на Платонова.

Простое, открытое лицо сержанта, его плотно сбитая фигура в сильно поношенной, но не мятой шинели, сапоги чистые, даже с синим блеском, словно вокруг не ранняя весна, не грязь по колено, — все это понравилось командиру дивизии. Он видел перед собой человека дельного и, что называется, с военной косточкой.

— Желаю, товарищ Платонов, удачи на новом месте. Ваша практика следопыта ой как пригодится в разведке!

Генерал пожал Платонову руку и сел в машину.

2. ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Тесноватая полумрачная землянка с обшитыми фанерой стенами. Тусклый свет пробивается в нее сквозь два окошка, приплюснутые к земле. Глядишь в них и видишь мшистые кочки между стволами сосен, замечаешь первые побеги молодой травы. Иногда в правом окошке видны сапоги часового.

Генерал Чернядьев молча ходит по скрипучим половицам землянки и слышит, как под

ними хлюпает вода. Ясное дело — весна! А весна на северо-западе в приильменских лесах — это значит вода в землянках, блиндажах, в траншеях, дороги и тропы утопают в жидкой рыжеватой тине.

Высокий, костистый, одетый в обыкновенную телогрейку, Чернядьев ничем не напоминал генерала, разве только красные лампасы на бриджах говорили об этом. Лицо его — смуглое, чуть желтоватое, голова стриженая, глаза под низко опущенными бровями острые, строгие.

Чернядьеву не по себе. Случилось чрезвычайное происшествие: в левофланговом полку пропал солдат Дмитрий Кедров. Вчера днем Чернядьев приказал, чтобы Кедрова прислали в штаб дивизии, и похоже, что по дороге его украли немецкие разведчики, забравшиеся в наш тыл.

Приняты все меры, чтобы не позволить вражеским лазутчикам вернуться за линию фронта, прочесывается лес в районе тылов полка. Но результатов пока никаких. А время идет...

Командир дивизии неспроста вызывал к себе солдата Кедрова. Дело в том, что в дивизию должен был приехать представитель делегации трудящихся Ивановской области, который привез фронтовикам подарки. Представитель этот, как сообщили генералу Чернядьеву по телефону, — родной отец этого солдата. Отец, разумеется, очень хочет повидаться с сыном и попросился именно в дивизию Чернядьева, затерянную в глуши приильменских лесов и болот. И вместо свидания с сыном его ждет такая весть...

В землянку вошел адъютант — молоденький, стройный лейтенант. На машине генерала он ездил за гостем в соседнюю дивизию.

— Товарищ генерал, ваше приказание выполнено, — отрапортовал лейтенант.

— Привез? — перебил его Чернядьев. — Приглашай ко мне, — и генерал глубоко вздохнул...

В землянке появился среднего роста старичок лет за шестьдесят в новом полушубке, хотя на дворе весна, в рыжем картузе, с негустой бородкой и усами неопределенного цвета.

Прищурив глаза, старик осмотрел землянку, остановил недоверчивый взгляд на телогрейке Чернядьева, и только заметив красные лампасы на галифе, снял фуражку и представился:

— Лука Сильвестрович Кедров, инспектор по качеству колхоза «Заря коммунизма». Приехал, так сказать, по делу связи народа с армией. Ну, еще, конечно, с сыном повидаться хочу. Есть слух, что он здесь у вас службу служит.

Чернядьев подошел к Луке Сильвестровичу, поздоровался, взял его под руку и провел к столу.

— Очень рады народным представителям. Садитесь, — приглашал генерал. — А сынок ваш действительно у нас воюет.

Старый Лука удобно уселся в раскладное полукресло, пошатал ногой половицу и, услышав, как там плещется вода, укоризненно посмотрел на генерала.

— Что, папаша? — спросил Чернядьев, улавливая знакомый и приятный с детства запах дегтя, источаемый сапогами гостя.

— Раз в генеральской хате под ногами булькает, так что уж говорить о солдатских?!

— Время сейчас такое... Потоп! Но солдаты у нас молодцы.

— Вот это верно! — оживился Лука Сильвестрович, разглаживая обеими руками бородку. — Взять хотя бы моего Митяя. Так он до всего привычный. Старуха моя померла давно, когда Мите еще восемь годков было. И мы с ним, бывало, сами и стирали, и варили, и в доме белили. Да, что я говорю, вы же знаете Митяя! — воскликнул старый Лука. — Или вы не знаете его?

— Как же, в полку все знают Кедрова. Хороший паренек, — неопределенно ответил генерал. Он не хотел огорчать старика: с Митяем Чернядьеву как раз и не довелось познакомиться.

— Вот именно, хороший паренек! — обрадовался старик. Он умолк и тяжело вздохнул, высморкавшись в платок. Помолчав немного, как бы для самого себя, продолжал негромко:

— Ушел Митяй на фронт, и дом опустел. Теперь сам я с хозяйством управляюсь. Постариковски живу, без радости. Только и утехи, что дела колхозные да думки о тех временах, когда Митяй домой вернется.

На столе зазвонил телефон. Лука Сильвестрович, напуганный неожиданным звонком, вскочил с места и непонятно для чего надел картуз.

Генерал Чернядьев, отвернувшись к окошку, взял трубку. Командир левофлангового полка сообщал, что розыски рядового Кедрова пока безрезультатны.

Генерал помолчал, потом вдруг оживленно заговорил:

— А вы разведчиков привлеките. Особенно новенького, сержанта Платонова. Он следопыт.

— Его и привлекли. Ищет.

Чернядьев положил трубку и серьезным, задумчивым взглядом посмотрел на старика. Тот уже сидел на своем месте, позабыв снять фуражку.

— Ну, продолжим наш разговор, — сказал генерал.

— Продолжим, — согласился Лука Сильвестрович.

3. СЛЕД НАЙДЕН

В лесу уже начинали цвести орешник, ольха, осина. Их большие пушистые сережки стряхивали с себя пыльцу и распространяли вокруг щекочущий запах.

Иван Платонов вел группу разведчиков на задание. Под ногами шуршал мокрый прошлогодний лист, чмокали пропитанные водой кочки. Сквозь лапчатые кроны елей и сосен на землю падали косые лучи утреннего солнца. В лесу было светло и, несмотря на сырость, празднично.

Следом за Платоновым шла цепочка солдат: приземистый коротышка Атаев — скуластый и желтолицый; Зубарев — с побитым оспой ли-

цом, остроносый и сероглазый; чернобровый красавец Игнат Шевченко — высокий и стройный, как дубок; силач Савельев, который может так далеко забросить гранату, что она, не долетев до земли, взрывается. Цепочку замыкал Петр Скиба — неразговорчивый солдат с большими черными глазами и продолговатым лицом.

Шли молча. Каждый думал об одном и том же: трудная задача выпала на долю разведчиков — что-нибудь разузнать об исчезнувшем вчера Дмитрии Кедрове, солдате из первой роты. Многие разведчики знали Кедрова. Это тот самый говорливый солдат, который, попав однажды в боевое охранение, вызвал на себя огонь целой немецкой минометной батареи. Сменившись с поста, Кедров пробирался по ходу сообщения в блиндаж. И тут, откуда ни возьмись, прямо ему под ноги скатилась молоденькая белочка. Кедров не растерялся: вмиг накрыл ее шапкой. А удержать белку в шапке не так легко: кусается, царапается. И принялся Кедров уговаривать зверька, чтобы не бушевал он. Так уговаривал, что немцы переполошились. Показалось им, видать, что атака на них готовится, и начали гвоздить из минометов...

Однако хоть Дмитрий Кедров и приметный солдат, а как узнать, что стряслось с ним? Где найти его следы в этом лесу, которому как будто нет конца и края?

Правда, сержант Платонов уже имел кое-какие сведения. Было известно, что Кедров вчера, в два часа дня, направляясь в штаб дивизии, ушел с командного пункта роты на КП

батальона. Старшина приказал ему попутно захватить в батальон термос из-под пищи. На командном пункте батальона Кедрова не видели. Значит, исчез он, не дойдя до КП.

Но кто мог указать след, оставленный где-либо ногой Кедрова? Никто. Конечно, не так уж много людей проходит между передним краем и КП батальона, да и в первую роту ходят все только над ручьем, правый берег которого несколько подсох. Можно понаблюдать за следами, оставленными на этой тропе.

Прошли мимо укрытых в густом подлеске блиндажей командного пункта батальона. До переднего края рукой подать. Слева лес просвечивается, меж стволами сосен виднеется приземистое мелколесье. Оттуда доносятся редкие выстрелы, с той же стороны иногда с воем пролетают над головой мины. Они падают где-то в глубине леса, и эхо от разрывов хлестко бьет по ушам.

Вот и изгиб лесного ручья. Вода в нем течет неторопливо, и поэтому левый — более низкий берег — заболочен. Правый — возвышенный, сухой, заросший кустами лещины и чернотала. Между кустами юлит тропинка. Ее протоптали уже этой весной.

Платонов остановил разведчиков.

— Ну, что ж, начнем?— спросил он, поправляя на себе автомат, брезентовую сумку на ремне и сдвигая на бок кожаный чехол с биноклем.

— Начнем, — отозвался словоохотливый Зубарев, и его побитое оспой лицо приняло деловое выражение.

Иван Платонов уже две недели командовал отделением. За это время он кое-чему научил своих солдат. Однако не все они еще верили в то, что следопытство может пригодиться на войне. «Это вам не на зайца зимой ходить», — не раз говорил расчетливый и осторожный Петр Скиба.

— Начнем с того, что найдем чей-нибудь след, оставленный вчера во второй половине дня, — сказал Платонов. — Вчера погода была солнечная, небольшой ветер.

Разведчики рассыпались вдоль тропы. Было похоже, что они что-то утеряли и теперь старательно ищут. Первым подал голос Шевченко:

— Вот след, оставленный, пожалуй, вчера, когда солнце стояло еще высоко.

Игнат Шевченко делал успехи в следопытстве. Платонов заметил сообразительность этого солдата на первых же занятиях. Однако, не в меру торопливый и горячий, любивший быть первым среди товарищей, Игнат часто ошибался, не учитывал какой-либо мелочи.

Платонов подошел к Шевченко и внимательно посмотрел на вмятину, оставленную чьей-то ногой в сыром грунте, пощупал ее пальцем. На этот раз Игнат не ошибся: дно следа было подсушенным, комочки грязи, выброшенные вперед носком сапога, затвердели. Значит, след не свежий.

— А вот этот же след под кустом, — продолжал Игнат развивать свою мысль. — Выглядит свеженьким, вроде его только сейчас отпечатали. Потому что в тени. А тень в этом месте была вчера во второй половине дня.

Платонов удовлетворенно хмыкнул и сказал разведчикам:

— Точно таким же должен выглядеть след, который мы ищем. На следы в тех местах, где вчера после обеда была тень, не обращать внимания.

Теперь разведчикам предстояло сделать самое трудное: «привязаться к следу», который оставил где-то на этой тропе исчезнувший вчера Дмитрий Кедров, найти то место, где он свернул с тропы.

Тихо шелестят листья на кустах чернотала и осины, мерно покачиваются под свежим весенним ветерком ветви стройных елей. Между ними видна голубизна апрельского неба, прозрачная и глубокая. Легко дышит грудь, в руках, в плечах, во всем теле чувствуется избыток сил. Но на душе неспокойно. Иван Платонов, шагая по тропе, хмурит свои рыжеватые брови, крепко сжимает правой рукой шейку приклада автомата и смотрит себе под ноги. Ничто не ускользает от его зоркого взгляда. Он видит, что не так давно по тропе, в сторону переднего края, прошло двое людей. Вмятины, оставленные сапогами на непросохшей земле, глубокие, шаг — узкий. Ясно, что они несли на себе какой-то груз. А вот вчерашние следы: один отпечатан сапогами, у которых скошены каблуки, а на носках железные косячки; второй сделан человеком, сильно выворачивающим наружу носки. А здесь кто-то прошел в ботинках. На их подошвах — шесть шипов. Этот след наиболее приметный.

«И угораздило его пропасть в такой день!» — вздыхает Платонов. Он слышал от помощника

начальника штаба полка по разведке, что Кедров шел на свидание со своим отцом и... не дошел даже до командного пункта батальона.

Платонов пытается представить отца незнакомого ему Дмитрия Кедрова, но в его воображении всплывает его—Ивана—отец. Потом сержант отчетливо видит далекую, затерявшуюся в тайге на берегу сибирской реки заснеженную деревеньку. Вспомнилось, как когда-то зимой они с отцом (Иван тогда еще был подростком) убили в тайге медведя. Отец связал убитому зверю лапы, продел между ними толстый кол. Потом, окинув Ванюшу оценивающим взглядом, спросил: «Понесем, или сбегаешь за дядькой Прохором?»—«Понесем»,— баском ответил Иван. И они взвалили медведя на плечи. Ой, как длинен был путь в деревню! У Ивана ломило плечо под тяжестью. Но он, стиснув зубы, ступал нога в ногу с отцом. «Передохнем?» — спрашивал отец. — «Нет, еще малость пройдем»,— отвечал Иван и смотрел под ноги, боясь, как бы не споткнуться и не упасть. А перед глазами плыли оранжевые круги. Наконец, отец не выдержал, остановился. Медведя положили на дорогу. «Нельзя, Ванюша, надрываться,— сказал батька. — Силу нужно с умом расходовать». — «А я с умом»,— упрямо ответил Иван и украдкой бросил в рот горсть снега.

Платонов представил себе, что это его старый отец приехал сейчас на фронт и дожидается своего Ивана где-то в штабной землянке. Но сержанта Платонова не могут найти, и отец начинает догадываться, что Ванюшки нет в живых.

Платонов снова вздыхает — посторонние мысли мешают. Но он старается сосредоточиться только на следах.

Перед глазами та же тропинка со знакомыми отпечатками обутых человеческих ног. И вдруг сержант заметил: следы ботинок с шестью шипами исчезли. Остановился, оглянулся назад. Подошли другие разведчики. Теперь все видели, что человек, обутый в ботинки с шипами, прошедший вчера по тропе, у непросохшей лужи потоптался на месте и свернул вправо, к кустам. Ничего, конечно, в этом не было необычного. Мало ли зачем нужно человеку свернуть в сторону. Но Платонова насторожило другое: на тропе, здесь же у лужи, он увидел новый, совершенно незнакомый след вчерашней давности, направленный носками навстречу разведчикам.

Иван присел над отпечатком подошвы сапога, внимательно рассмотрел его. След тоже ничем не примечательный. На обнаженном сыром грунте хорошо видна широкая вмятина от каблука с железным косячком. Косячки стертые, и шляпки гвоздей не отпечатались.

В стороне от тропы вытоптана пожухлая прошлогодняя трава. Похоже, что в этом месте двое встретившихся людей долго стояли, переступая с ноги на ногу.

— Смотрите,— вдруг шепотом произнес Игнат Шевченко. — Пуговица. — Шевченко подал Платонову пуговицу, которую нашел в траве.

Взглянув на находку, Платонов почувствовал, как у него быстро-быстро забилось сердце и к лицу прихлынула кровь. Эта обыкновенная шинельная пуговица говорила ему больше, чем

 Зак. 254

все следы на тропе. По ниткам, которые остались в ушке пуговицы, и по клочку сукна нетрудно догадаться, что пуговица оторвана с силой. Значит, в этом месте, у куста чернотала, была схватка.

Платонов развел руками в стороны, дав разведчикам понять, чтобы они посторонились, а сам внимательно начал осматривать то место, где была найдена пуговица. Иван без труда обнаружил, что четыре пары следов (их отпечатали ботинки с шипами на подошвах и еще чьи-то незнакомые сапоги) вели вглубь леса. Шаги более широкие, чем обычно, неполные и нечеткие следы ног свидетельствовали, что люди здесь бежали. Зачем? От кого? Это требовалось разгадать.

Следы привели к глубокой воронке среди кустов. Здесь, под грудой прелого листа и сушняка, обнаружили карабин, широкий металлический термос с откидными хомутиками и винтами-барашками. Платонов знал, что Кедров нес термос для передачи старшине хозвзвода. Значит, сомнений больше нет: след с оттиском железного стертого косячка на каблуке принадлежит солдату Кедрову.

4. ВСТРЕЧА НА ТРОПЕ

Когда Дмитрию Кедрову передали, что его вызывает в штаб дивизии сам генерал, он не поверил. Но командир взвода приказал Кедрову собираться.

Дмитрий струхнул:

— Зачем это я понадобился командиру дивизии?..

А товарищи, хотя тоже недоумевали по поводу столь необычайного события, все же подшучивали над Кедровым. Особенно донимал Дмитрия острый на язык пулеметчик Новоселов:

— Чего тут непонятного? Ты же талант, Кедров, поговорить умеешь. Вот и назначит тебя генерал оратором дивизионного масштаба.

— Отвяжись! — недовольно отвечал Дмитрий.— Может, меня парикмахером назначат, так я с твоего языка начну. Больно длинный.

Дмитрий был недоволен тем, что ему приказали попутно занести на командный пункт батальона и передать старшине хозвзвода термос из-под каши: «Таскайся с этой посудиной. А там еще старшина мыть ее заставит».

— Нет, ты все же талант, Кедров,— не унимался Новоселов. — Радио вполне можешь заменять. Узнал генерал, какой ты говорун, вот и решил послушать.

Кедров махнул на него рукой, взвалил за спину термос, взял карабин и протиснулся в узкую щель, соединявшую блиндаж с траншеей. Дмитрий был убежден, что умение поговорить — не такое уж плохое качество. В самом деле, что это за человек, если не умеет трех слов связать вместе? С таким помрешь от скуки. Другое дело он — Дмитрий Кедров. За словом к соседу не пойдет, но и пустомелей или каким-нибудь пустобрехом себя не считает. Он человек с понятием. Вот, скажем, приказал ему вчера командир отделения замолчать, когда из боевого охранения вернулись. А зря приказал. Затеял Кедров разговор о том, какими гвоздями лучше подметки подбивать —

железными или деревянными. Кто толковее его рассказать об этом может? Никто. А Кедров расскажет, и как полагается. Он знает, что надо напилить качалочек из проскурины, потом их сушить. И сушить лучше всего на солнце. Затем качалочки поколоть на плашечки такой толщины, какие требуются гвозди. Эти плашечки опять сушить. А когда из плашечек наколешь гвоздей, их можно досушить уже в печке, перед пламенем. И гвозди получаются крепче железных!

Но разве можно на этом заканчивать разговор о гвоздиках? Никак нельзя!.. И зря командир отделения не дал ему тогда высказаться полностью.

Словом, о многом может с понятием говорить Дмитрий Кедров. Взять хотя бы вопрос о зверях в Африке или о выращивании саженцев на Севере. А о самоходном комбайне или о «катюше», которая на его глазах стреляла такими снарядами, как гробы, или о том, как быстрее выбрать брод через речку... Да мало ли о чем может говорить Кедров?!

Дмитрий никак не был согласен с утверждением о том, что разговорчивость не украшает человека. Ведь разговаривать — значит понимать, добиваться полного выяснения какого-нибудь вопроса. Да и «я» свое солдат в разговоре выражает и от этого понятным для всех становится. Дмитрий терпеть не может людей-загадок. Бывает, сидит солдат в окопе, и такое у него глубокомыслие на лице написано, вроде он обдумывает стратегическую операцию. На самом же деле — про себя ругает повара, что кашу привез подгорелую и теперь

у него изжога. Ругал бы лучше вслух! Молчать с умным лицом ни к чему.

«Но зачем же вызывают меня в штаб дивизии?» — в который раз спрашивал себя Кедров.

Ход сообщения вел к недалекому кустарнику, за которым уже можно было идти, не опасаясь обстрела. Под ногами чмокала грязь. Стенки траншей были мокрыми и липкими, зато над головой ярко светило солнце и где-то в поднебесье весело пел жаворонок. Дмитрию хотелось скорее добраться до кустов, до леса, чтобы можно было шагать, выпрямившись в полный рост. И вдруг он остановился, пораженный внезапной догадкой: «Так вот для чего меня позвали!»

Два дня назад над позицией роты низко проплыл в сторону Старой Руссы трехмоторный немецкий транспортный самолет. Он появился из-за леса так неожиданно, что по нему даже не успели открыть огонь. Только Кедров, наблюдавший в это время за противником, послал в самолет три пули. И был убежден, что не промахнулся. Ему показалось, что самолет задымил и пошел на снижение. Дмитрий даже закричал:

— Сбил! Сбил транспортника!

Из блиндажа выскочили солдаты. Нашлись охотники немедленно идти в лес разыскивать самолет. Но командир взвода позвонил на огневые позиции артиллеристов, которые стоят в тылу, и те сообщили, что самолет благополучно проплыл дальше. А Кедров не верил: был убежден, что самолет далеко не протянет. И теперь, наверное, выяснилось, что транс-

портник упал, вот и вызывают его — Дмитрия Кедрова — к генералу за наградой.

Этой ошеломляющей новостью, которую Дмитрий узнал сам от себя, можно было бы поделиться с любым товарищем. Но как обидно: ни одного попутчика и не с кем потолковать, а тропинка, бежавшая над ручьем, как назло, пустынна.

Но вот, кажется, Кедрову повезло: навстречу шел какой-то ефрейтор — высокий, худой. Шинель висела на нем кое-как, на ногах ботинки с обмотками, через плечо — автомат. Хоть и незнакомый ефрейтор, но поговорить можно. И вдруг еще издали он крикнул Кедрову:

— Связной?!

— Никак нет, связным не являюсь,—ответил Дмитрий, собираясь уже начать разговор о том, почему служба связного для него не подходит.

— Все равно,— сказал ефрейтор, подойдя вплотную к Кедрову. — Почему писем от солдат не захватил?! В штаб же, небось, идешь? Теперь мне из-за тебя тащись черт знает куда!

Дмитрий растерянно развел руками:

— Не говорили мне о письмах. Вот термос приказали захватить...

— Шляпа! Сам должен знать. Как бы хорошо было: ты принес бы оттуда письма, а я с тобой туда передал бы. Смотри, целая сумка накопилась!

— Не могу я писем в роту взять, потому что в штаб дивизии иду. Орден за сбитый самолет получать,— ответил Кедров.

Ефрейтор окинул Кедрова с ног до головы оценивающим взглядом, потом почему-то оглянулся назад и вправо — на кусты.

— А мне, случайно, там нет письмеца? — полюбопытствовал Дмитрий.

— Как фамилия?

— Дмитрий Кедров, из Ивановской области.

— Кажется, есть. Отойдем в сторону, где посуше.

Дмитрий обрадованно шагнул в сторону, отводя руками от лица упругие ветки чернотала. Из кустов дохнула свежесть, в нос ударил горьковатый запах прелой листвы. Под ногами почмокивала пропитавшаяся вешними водами земля. Во всем чувствовалась весна, и поэтому еще радостнее было на душе.

Вдруг шедший впереди Кедрова сухопарый ефрейтор резко повернулся и молниеносно выбросил вперед сжатую в кулак руку. Тупая боль под вздохом перехватила дыхание и затуманила сознание Дмитрия. Исчез лес, исчезли запахи весны...

Пришел он в себя, когда уже чьи-то крепкие руки волокли его вглубь леса. Дмитрий рванулся всем телом и тотчас оказался на земле. На него навалились трое.

— Что вы делаете! — закричал Кедров, все еще не понимая, что происходит.

— Где мой карабин?

Дмитрий почувствовал, что ни карабина на плече, ни термоса за спиной нет.

— Чего коленкой жмешь, дурак?! Больно же! — Дмитрий пытался стряхнуть с себя ефрейтора, худая, острая коленка которого прижимала его к земле.

Ефрейтор убрал коленку, и Кедрова поставили на ноги, но рук не отпустили.

Кедров оглянулся на двух державших его солдат с нахмуренными, настороженными глазами, на ефрейтора, который, сутулясь, отряхивал свою шинель, на стройного военного в офицерской шинели с двумя кубиками в голубых петлицах.

— Товарищ лейтенант,— обратился Кедров к офицеру. — Что же это получается, почему безобразничают?

— Заткнись! — крикнул в ответ лейтенант, и Кедров успел рассмотреть его крепкие, большие, чуть желтоватые зубы.

«Вот жеребец!» — некстати подумал Кедров, с недоумением глядя в продолговатое, молодое лицо неизвестного офицера. И тут Дмитрий услышал, что офицер заговорил... по-немецки! Он что-то приказал двум державшим Кедрова солдатам, и те проворно скрутили его руки назад.

Дмитрий почувствовал, как холодок побежал от груди его вниз, к ногам, а ноги тотчас же одеревенели. «Так это же фашисты!» — мелькнуло в голове, и Дмитрию показалось, что эта мысль прилетела откуда-то извне и физически ощутимой ворвалась в душу, железными тисками схватила за сердце.

Вдруг Дмитрий услышал, как четкой дробью ляскают его зубы. В памяти неожиданно всплыло украинское село, где побывал он до войны, гнездо аиста на крыше хаты. Белая птица, запрокинув назад голову, точно так же цокотала клювом. Как бы издалека донесся

булькающий смех «ефрейтора». По-гусиному вытянув вперед голову на длинной шее, он хохотал над тем, что у Кедрова от страха стучали зубы.

И страх неожиданно прошел. Смех переодетого фашиста точно отпустил тиски, сжимавшие сердце. Страх улетучился, несмотря на то, что Дмитрий со всей отчетливостью понял безвыходность своего положения: он попал в руки пробравшихся к нам в тыл переодетых фашистских разведчиков. Бессильной злобой загорелись его глаза.

«А я-то, дурень,— подумал Кедров,— сразу же разговорился с долговязым, сказал ему, что иду в штаб дивизии, разболтался о письмах!» Ему захотелось закричать сейчас на весь лес, закричать так, чтобы услышали в траншеях роты, на командном пункте. Но услышали не о том, что он, Дмитрий Кедров, попал в беду, а что здесь находится враг, что он рядом и его нужно уничтожить!

Гитлеровец в форме советского летчика-лейтенанта, видимо, догадался о намерении Кедрова. Он угрожающе поднял к его лицу кинжал, а фашистские солдаты проворно заткнули Дмитрию рот полотенцем.

5. ЛУЧШЕ СМЕРТЬ

Целый час пробиралась группа фашистских разведчиков сквозь густые лесные заросли, вброд переправлялась через заболоченные ручьи, ведя с собой связанного Дмитрия Кедрова. Остановились на небольшой возвышенности, где земля немного просохла.

Кедрова тотчас же уложили под сосну, связали ему куском бечевки ноги и словно забыли о нем.

Дмитрий повернулся на бок, поджал под себя коленки и притих. Все происходившее казалось ему кошмарным сном. Он слышал, как фашисты о чем-то переговаривались, видел, как «летчик-лейтенант» вытащил из солдатского вещевого мешка два небольших зеленых ящичка, установил их на земле и надел наушники. Над одним из ящичков взметнулась вверх короткая металлическая тросточка-антенна. «Рация»,— догадался Дмитрий.

Рядом запылал небольшой костерчик. Над ним, на перекладинке, установленной на две воткнутые в землю рогульки, повесили котелок с водой, принесенной из ручья, протекавшего невдалеке.

Рация, которую развернул «лейтенант», шипела, попискивала. «Лейтенант» поднес ко рту круглый, черный, похожий на наушник, микрофон и вполголоса начал передавать цифры: «двенадцать восемнадцать, сорок восемь пятьдесят шесть, тридцать ноль девять...»

«По-русски дует, гад,— подумал Дмитрий,— под наших работает, чтоб не засекли».

В это время другие лазутчики молча лежали на куче еловых веток, отдыхали.

«Лейтенант» на минутку затих, что-то торопливо записывая в блокнот. Потом обратился к долговязому «ефрейтору». Тот вскочил на ноги, поежился и подошел к Кедрову. Расстегнул его шинель на груди и начал выгребать из карманов документы. Вот в его руках оказалась

красноармейская книжка Кедрова, письмо от отца, вырезка из газеты, в которой рассказывалось о знакомом Дмитрию снайпере. И, наконец, последнее — бережно завернутый в прозрачный целлофан комсомольский билет.

Увидев в руках врага серую книжечку, Дмитрий вскинулся всем телом, пытаясь вырвать из веревок руки и ноги.

«Ефрейтор» наотмашь ударил Кедрова ботинком в живот. Боль на мгновенье заслонила все другие чувства. Но лишь на мгновенье. Сейчас, когда у него отняли комсомольский билет, красноармейскую книжку, Дмитрий поверил, что все это не кошмарный сон, и каждой клеткой своего тела ощутил нестерпимую душевную боль. Нет больше Дмитрия Кедрова — солдата Советской Армии, члена Ленинского комсомола. Есть пленный Кедров, оторванный от Родины, комсомола, армии.

Дмитрию вспомнилось, как совсем недавно— полгода назад — в разгар битвы за Москву ему вручили комсомольский билет. Это было перед атакой. Помощник начальника политотдела по комсомолу, всем известный в дивизии капитан Иволгин, передавая Дмитрию эту заветную книжечку в серой обложке, сказал:

— Теперь вы комсомолец. Никогда не забывайте об этом.

«Нет, никогда не забуду!» — подумал сейчас Дмитрий, глядя, как «лейтенант», перелистывая его документы, заглядывает в блокнот и подносит к губам микрофон. — «Не забуду! И никакой я не пленный, пока на нашей земле. А к себе не уведут, не дамся...»

«Лейтенант» что-то крикнул «ефрейтору».

Тот снова подошел к Кедрову, вынул кляп из его рта и приказал:

— Отвечай коротко: из какого полка, дивизии? — Долговязый сунул к глазам Кедрова развернутую топографическую карту: — Покажи, где находится штаб дивизии!

— Иди к черту! — крикнул Дмитрий и в бессильной злобе плюнул на карту.

«Ефрейтор» невозмутимо вытер плевок о шинель Кедрова и опять ударил связанного солдата ногой в живот. Потом, обращаясь к «лейтенанту», что-то спросил по-немецки.

«Лейтенант» махнул в ответ рукой и начал складывать в вещмешок рацию. Время передачи истекло.

В лесу стало темно и сыро. Дмитрий Кедров все лежал на том же месте. Наблюдая за приготовлениями гитлеровцев, он понял, что этой ночью они собираются возвращаться за линию фронта. Только «лейтенант», казалось, устраивается на ночлег. В его вещмешок были переложены оставшиеся у разведчиков продукты: консервы, галеты, шоколад.

«Остается с радиостанцией здесь. Шпионить будет»,— догадался Дмитрий. И ему стало очень обидно за себя, за товарищей. Сколько раз проходили они по лесу, встречали незнакомых людей, и ни у кого не возникло мысли, что среди них может быть враг. Конечно, бдительность соблюдали на марше, в боевом охранении, да и вообще на переднем крае глядели в оба. Но чтобы остерегаться у себя в тылу,— такое Кедрову раньше и в голову не приходило.

И вот результат: его обманули, как мальчишку, обезоружили и теперь собираются вести в плен.

«Нет, лучше смерть, чем такой позор»,— скрипнул зубами Дмитрий.

Ему распутали ноги, помогли встать. Потом покрепче завязали полотенцем рот.

— Хайль Гитлер! — приглушенно крикнул «ефрейтор» и два его помощника «лейтенанту».

— Хайль Гитлер! — ответил тот и, загородив костерок плащпалаткой, улегся на кучу еловых веток.

Кедрова повели по ночному лесу.

В весеннюю пору 1942 года, когда воды заполнили лесные просторы, вытеснили из низин и оврагов на возвышенности солдат обеих воюющих сторон, перейти линию фронта было делом не очень рискованным. И это беспокоило Кедрова. Он боялся, что его поведут по болоту, которое раскинулось между левым флангом первой роты и ручьем, носившим причудливое название: Чимушмуха. Там — широкий, не занятый войсками участок. Правда, есть мины, фугасы развешаны на кустах, но их нетрудно обойти.

Так и случилось. Видать, немцы неплохо знали расположение нашей обороны. «Ефрейтор», вслед за которым вели связанного Кедрова, лишь на несколько минут остановился у дороги, по которой проезжала повозка, пережидал и решительно двинулся вперед, забирая влево.

Началось болото, поросшее негустым кустарником. Это даже не болото, а затопленный луг. Ноги хорошо ощущали под водой скользкую

прошлогоднюю траву, а в одном месте наткнулись на неубранный покос.

Дмитрий зорко оглядывался по сторонам. Надеялся, что заметит где-либо подвешенный фугас. «В этом — спасение,— думал он. — А не удастся взорваться, попробую утонуть, когда заляжем. Мертвого с собой не поволокут».

Но, как на беду, минное поле не попадалось на пути. И на переднем крае было тихо. Даже гитлеровцы не бросали, как обычно, ракет. Наверное, знали, что здесь действует их разведка.

Вышли на какой-то голый островок. Вода уже не хлюпала под ногами. Впереди, совсем недалеко, виднелась темная, угрюмая стена леса. Там—передний край вражеской обороны.

Вдруг справа ударил пулемет.

«Наши бьют»,— обрадовался Кедров. Очередь просвистела совсем недалеко, качнув ветки одинокого куста.

В тот же миг в небо взлетело несколько ракет. Гитлеровские разведчики упали, повалив упиравшегося Кедрова. Вокруг стало так светло, что Дмитрий разглядел расщепленную снарядом сосну на участке своей роты, который находился совсем недалеко.

Один из лазутчиков крепко «обнимал» Кедрова правой рукой, прижимая его к земле. «Ефрейтор» лежал несколько правее солдата, который держал пленного.

Очередная ракета горела особенно долго, медленно плывя по ночному небу. И Дмитрий неожиданно увидел перед самым своим носом тонкий проводок. Обыкновенный медный проводок! Он уходил куда-то в сторону — под державшего его немца.

«Не потерять бы»,— мелькнула беспокойная мысль. Нельзя медлить ни секунды. Каждая струнка в теле Кедрова была напряжена до предела. Он хотел только одного — смерти. Хотел схватить зубами за проводок, но рот был плотно завязан полотенцем. Руки тоже скручены.

Тогда Дмитрий, как мог, вытянул вперед шею и зацепил проводок подбородком. Начал медленно втягивать в себя голову, подаваться назад. Боялся, что лежащий рядом гитлеровец помешает. Но тот, уткнув лицо в рукав, не двигался.

Наконец ракета погасла, и рука гитлеровца на спине Дмитрия ослабла. Кедров почувствовал, что проводок натянулся до отказа. Еще чуть-чуть подался назад и сделал рывок подбородком. В тот же миг послышался щелчок и вслед — оглушающий взрыв. Земля под Кедровым качнулась, плотная стена горячего воздуха пахнула ему в лицо. Вспышка ослепила глаза, но он успел заметить, как вверх взметнулось длинное тело «ефрейтора»...

Ганс Финке, который в форме советского летчика-лейтенанта остался в глубине леса коротать ночь, на рассвете услышал, что кто-то продирается сквозь кустарник в направлении его стоянки. Финке схватился за автомат. В это время на полянку вышел со связанными за спиной руками Дмитрий Кедров. Его подталкивали в спину Вормут и Шинкер — переодетые в красноармейскую форму гитлеровские разведчики.

Финке был взбешен. Сегодня он, маршрутный агент, должен был идти по тылам советских войск, а теперь новая забота.

Шинкер рассказал о неудачной попытке перейти фронт. Финке посмотрел на часы и нехотя развернул радиостанцию. Передал в эфир о гибели «ефрейтора» и о том, что перевести пленного через линию фронта не удалось. Тут же получил ответ:

«Переместитесь в квадрат 51-22 в охотничью избу. Выполняйте задание. Во второй половине ночи встречайте самолет, жгите три костра. Герлиц».

6. ПО СЛЕДУ

По лесным массивам, испещренным дорогами, тропами, руслами рек, плешинами полей и порубленного леса, непрерывно перекатывалось разноголосое эхо войны. Где-то стрекотали автоматы, простуженно, не торопясь, стучали крупнокалиберные пулеметы, гакали тяжелые разрывы мин.

Солнце заливало обильным светом поляны и просеки, косыми лучами пробивалось сквозь наметы ветвей к напоенной вешними водами земле. От могучих стволов сосен, ноздреватых пней, мохнатых кочек поднимался еле заметный пар, наполняя лес пряными запахами.

Все глубже пробиралась в непроходимую лесную чащу горсточка советских разведчиков. Следы, по которым вел Иван Платонов своих солдат, то исчезали, то появлялись вновь. Примятый мох, сдвинутые прошлогодние листья, раздавленные сучья указывали путь.

Широкое, курносое лицо Платонова было чуть бледноватым от волнения. Раскосые острые глаза настороженно скользили по земле, вглядывались вперед. Даже уши Ивана, казалось, стали больше обычного. Красные, узловатые, они прочно подпирали пепельного цвета шапку-ушанку и ловили каждый лесной шорох.

Чутьем охотника Иван Платонов угадывал, что зверь уже где-то недалеко, хотя идут они по следам вчерашней давности. Им овладел азарт, знакомый каждому, кто ходил по звериной тропе. Внимание, зрение, слух, каждый мускул тела — все было крайне напряжено, готово к тому, чтобы замечать, воспринимать. Даже разноголосый говор лесных птиц, который Иван с наслаждением мог слушать часами, сейчас не отвлекал его. Только раз Платонов вскинул голову вверх, и на лице его промелькнула добрая улыбка, когда среди еловых веток раздалась полная и сильная песня щегла. Иван поглядел на красивую белощекую птицу с красным и черным кольцом вокруг клюва, помахал ей рукой и пошел дальше.

Так же сосредоточены и собраны были другие разведчики. Развернувшись в цепочку, они шли за Платоновым: справа — Шевченко (высокий, он часто кланялся свисавшим над землей ветвям и жмурил черные глаза). Рядом с ним шагал Савельев. Сильный и грузный, он, точно слон, давил ногами сушняк и поэтому старался ступать осторожно, осмотрительно. Коротконогий Атаев быстро семенил между Савельевым и остроносым рябым Зубаревым.

На лице Атаева застыло выражение глубокомыслия и мудрости. Он часто бросал почтительные взгляды на Платонова и старался держаться поближе к нему. Справа развернутую цепочку замыкал всегда молчаливый Скиба.

Следы привели к топкому ручью. Платонов с первого же взгляда заметил на противоположном его берегу знакомые отпечатки ног и шагнул в воду.

— Товарищ сержант! — неожиданно позвал Игнат Шевченко. — Посмотрите, что здесь.

Платонов вернулся назад и подошел к Игнату. На сером илистом грунте, намытом спавшей водой, Иван увидел четкие отпечатки сапог. И среди них — след сапога со стертыми косячками на каблуке. Это, несомненно, след Кедрова.

«Что за чертовщина?» — подумал Платонов. Пощупав пальцем дно следа, потрогав комочки земли, выброшенные носками, он убедился, что эти отпечатки более свежие, чем те, по которым шли до сих пор разведчики. И ведут следы в том же направлении, вглубь леса.

Если бы Платонов догадался пройтись вверх по течению ручья, он опять обнаружил бы знакомые отпечатки ног, оставленные гитлеровцами и Дмитрием Кедровым, когда они с вечера направлялись к переднему краю. Тогда бы разведчикам стало ясно, откуда взялись следы, обнаруженные Шевченком.

Но нужно было спешить. И Платонов повел своих солдат по новым следам.

Вскоре они наткнулись на место, где была стоянка вражеских разведчиков.

Платонов научил своих солдат правилу: если один «читает след», все остальные не должны мешать ему, чтобы случайно не затоптать находку. Вот и сейчас Шевченко, Савельев, Зубарев, Атаев и Скиба наблюдали, как сержант бродил по поляне, глядел в землю, точно колдовал.

Ничто не ускользнуло от наметанного глаза Платонова. Иван уже знал, что, кроме Дмитрия Кедрова, здесь было еще четыре человека. Об этом говорили и следы, которые привели сюда. Он видел вмятину в куче еловых веток — здесь спал один. Заметил два полена, лежавшие параллельно друг другу. По дырке в грунте — заземлению — догадался, что на поленьях стояла рация. Обратил внимание и на колышки, которыми были закреплены концы плащ-палатки, маскировавшей костер, и на выплеснутое кофе, и на выброшенный кусочек сухаря со следами крепких зубов.

Еще когда шли по следу, Платонов заметил, что один из гитлеровских разведчиков чуть-чуть хромал. Левой ногой он делал шаг короче, чем правой. По отпечаткам сапог было видно, что у него изношена середина подошвы. Значит,— сапоги велики. У хорошо подогнанной обуви стираются в первую очередь каблук и носок.

Здесь, на поляне, рядом с кучей еловых веток, Платонов заметил клочок бинта в сукровице и нитки от портянки.

«Натер, гитлеряка, левую ногу. Переобувался»,— подумал Иван.

Наскоро показав разведчикам все, что заслуживало их внимания, Платонов достал из

своей брезентовой сумки топографическую карту, отыскал на ней ручей, через который только что переправлялись, и примерно определил место, где они сейчас находились.

— Впереди и справа — болото. За болотом и слева — большая дорога. Им далеко не уйти,— возбужденно сказал Платонов, окидывая солдат взглядом. — Не зевать.

Платонов выразительно хлопнул рукой по шейке приклада автомата, поправил на боку чехол с биноклем.

— За каждый сучок, который треснет под ногой,— наряд вне очереди,— и сержант остановил свой взгляд на широкоплечем Савельеве. — Я и Шевченко идем в головном дозоре. Только без горячки, Игнат. Скиба и Зубарев — в боковых. Атаев и Савельев — в ядре. Зрительной связи не терять, переговариваться знаками, на поляны не выходить.

Сержант точно рубил каждое слово, и разведчикам передавалось его боевое напряжение, его чувство близости зверя.

Опять шли по лесу, огибая топкие места и непролазные заросли. На пути то и дело попадались сваленные бурей или отжившие свой век и упавшие сами деревья. Многие из них уже истлели, были источены червями.

Вскоре Иван Платонов и Игнат Шевченко, двигавшиеся метрах в тридцати впереди, вышли на огромную поляну. Во всю ее ширь раскинулись прошлогодние заросли пожухлого камыша и осоки... Следы вели через поляну.

— Вот идиоты! — ругнулся Платонов. — Зачем их понесло прямо в болото? Ведь все равно свернут в сторону.

Но делать было нечего, и разведчики, пригибаясь среди камыша, пошли дальше. Земля под ногами становилась все более и более заболоченной. Наконец, добрались до такого места, где различать следы уже было невозможно. Платонов остановился в раздумье, потом достал из чехла бинокль и приложил его к глазам.

Впереди простиралась обширная болотистая равнина. Местами она была покрыта осокой, камышом. Это верный признак, что там вброд пройти трудно. Местами же на болоте бурели пятна прошлогодней травы, и над ней возвышались редкие кустики осины, ивы, чернотала. Там почва покрепче, может выдержать человека. Но как знать, куда могли пройти разведчики врага?

Метрах в трехстах впереди виднелись на болоте облесенные островки. Платонов знал, что за этими островками находится Гнилое озеро. Его контуры на топографической карте напоминают очертания рыбы. Из хвоста этой «рыбы» берет начало ручей Чимушмуха.

«Дальше Гнилого озера они пройти не смогут,— подумал Платонов,— наверняка укрылись на каком-нибудь островке...» Однако такой вывод не подсказывал решения. Островков на болоте много, все не обыщешь.

Игнат Шевченко нетерпеливо дернул Платонова за рукав:

— Ну как? Махнем напрямик? Время-то идет!..

— Куда махнем? Думать надо, Игнат,— упрекнул солдата сержант.

Шевченко недовольно засопел, и его черные брови сбежались на переносье. Не любил Игнат, когда упрекали его в торопливости.

— Тогда в обход, может, на той стороне след перехватим,— предложил Игнат.

— Это мысль. Но с болота глаз не спускать.

7. ОСТРОВОК НА БОЛОТЕ

Разведчики опять развернулись в цепочку и опушкой пошли над болотом. Торопились. Болото отделялось от леса чуть пологим склоном, который был голым, изрезанным ручейками талой воды. Заметить здесь след можно с первого взгляда.

Но вот уже скоро конец болота. Тревога все больше охватывает разведчиков: нигде ни малейшей приметы, указывающей на присутствие врага.

Над болотом пролетают стаи птиц. Они кружатся над островками и исчезают в их зарослях. Платонов внимательным взглядом провожает пернатых. Вот летят вертлявые скворцы. Над одним из островков они сделали круг и нырнули к земле. И тотчас же стайка черных точек взметнулась над болотом, рассыпалась. Острый слух Платонова уловил беспокойный говор скворцов.

— Стой! — скомандовал сержант. — Смотрите на островок с кривым деревцом слева.

Каждому из разведчиков было известно, что птицы зря не беспокоятся. Что-то вспугнуло их.

Платонов передал Шевченке свой автомат и быстро вскарабкался на сосну, стоявшую над самым болотом. Приложив к глазам бинокль, он сразу же увидел среди стройных высоких

березок покатую крышу какой-то постройки, разглядел ее бревенчатые стены.

«Что за чертовщина?»

Тут же на дереве развернул карту, отыскал болото. На самом берегу озера, похожего на рыбу, заметил черный квадратик и надпись: «Сар».

«Сарай! Небось,— охотничья изба»,— догадался Иван и мысленно выругал себя, что раньше не разглядел на карте такой важной детали.

Опять приложился к биноклю. Островок казался пустынным, сарай—полуразвалившимся, давно покинутым. Однако Платонов твердо был уверен, что враг именно там.

Он спустился на землю.

Засветло подбираться к островку было рискованно. Можно вспугнуть зверя, можно нарваться на огонь в лоб. Только внезапность нападения могла принести полный успех.

Платонов решил дожидаться сумерек. А пока светло — нужно выбрать наиболее короткий и удобный путь к островку.

Разведчики, маскируясь в кустах, еще немного прошлись над болотом. И вдруг Атаев, шедший правее всех, взволнованно воскликнул:

— Командир! Сюда!

К нему поспешили все разведчики. Атаев, широко расставив короткие ноги, указывал пальцем на найденный им след и победно глядел на товарищей.

— Смотри, командир!

Разведчики узнали знакомые отпечатки сапог со стертыми посредине подошвами, знаковый выверт носков — свидетельство того, что

человек, оставивший следы,— плоскостопый. Отпечатки совершенно свежие. Они вели от болота в лес.

— Шевченко! Остаетесь старшим. Наблюдайте за болотом, за островком и сараем и ждите меня. Атаев пойдет со мной!

Отдав такое распоряжение, Платонов побежал вдоль следа. За ним, часто перебирая ногами, устремился Атаев. След вывел на дорогу, вилявшую по лесу мимо полковых тылов и огневых позиций артиллерии крупных калибров.

— Атаев,— на ходу говорил Платонов,— запомните, что человек, которого мы ищем,— выше среднего роста. Примерно метр семьдесят пять сантиметров.

— Понятно,— ответил Атаев. Он помнил, как совсем недавно сержант Платонов объяснял разведчикам, что длина ступни человека равна одной седьмой его роста, а подошва сапога длиннее ступни сантиметра на четыре. Рост вражеского разведчика Платонов определил по длине его ступни.

Некоторое время они шли вдоль обочины дороги. Потом след повернул влево, на залитый жидкой грязью настил, ведущий к тыловым подразделениям. На нем рассмотреть отпечатки ног было невозможно. Чтобы не утерять следа, Платонов и Атаев двигались по сторонам утопшего в жиже настила и внимательно глядели на обочины, стараясь заметить, не сворачивает ли след в лес.

Навстречу разведчикам ехала повозка. Лошадьми управлял знакомый Платонову старшина хозяйственного взвода. Рядом с ним сидел лейтенант из какой-то авиационной части.

Летчик и старшина о чем-то оживленно беседовали. Заметив Платонова и Атаева, старшина радушно воскликнул:

— Глазам и ушам армии, мое почтение! Кого выслеживаете, хлопцы?

— Зайца на кухню гоним! — пошутил Атаев.

А Платонов озабоченно спросил у старшины:

— Никого сейчас не встречали на дороге?

— Никого. Да я же только-только с места тронул.

Когда повозка минула разведчиков, лейтенант спросил старшину:

— Что за солдаты?

— Разведчики. Вчера один солдат наш исчез. Вот они и разыскивают. А сержант этот умеет читать следы как по-написанному. Добрую академию в сибирской тайге прошел...

Платонов и Атаев достигли того места, где дорога расширялась и шла уже не по настилу, а по грунту. Земля здесь была почти сухой. В стороне от дороги, между елями и кустами орешника, стояли замаскированные машины, повозки. Невдалеке виднелись землянки.

Следы обнаружили у походной кухни, на передке которой сидел солдат в белом переднике и, зажав меж ногами ведро, чистил картошку.

— Кто здесь сейчас проходил? — спросил у него Платонов.

— Вроде никто,— ответил солдат.

— Ну, а на этом месте кто недавно топтался? Вот эти следы чьи?

— Откуда мне знать? Старшина здесь ходил, а с ним летчик один. Он приехал разыскивать подбитый самолет. Наверное, это они здесь наследили. А что, здесь ходить нельзя?

— Лейтенант? В летной форме?! — воскликнул Платонов и бросился в ближайшую землянку, где был телефон. Через минуту он разговаривал с помощником начальника штаба:

— Прошу задержать лейтенанта, летчика. Он едет на командный пункт со старшиной хозвзвода. Да. Наверняка переодетый фашист...

На дороге стояла грузовая машина. Платонов подбежал к ней и бросил несколько слов шоферу. Секунда — и два разведчика сидели в кузове. Машина рванулась с места.

Неслись на предельной скорости. Разведчики напряженно всматривались вперед. Поворот дороги. За поворотом увидели повозку. В ней сидел один старшина.

— Где летчик? — встревоженно спросил у него Платонов, когда машина поровнялась с повозкой и остановилась.

— Он передумал. Решил сначала к артиллеристам зайти, порасспросить там о своем самолете,— ответил старшина.

Платонов и Атаев соскочили с машины.

— Проведите нас к тому месту, где фашист сошел с повозки,— попросил сержант.

— Какой фашист?! — испуганно переспросил старшина...

Через пять минут старшина показывал:

— Вот тут он соскочил и пошел напрямик к лесу.

Взглянув на след, Платонов со злостью прикусил губу. След был незнакомым.

«Неужели повар сбил нас с толку?..» — недоумевал Платонов.

Однако, присмотревшись к расположению следов, он узнал знакомую походку — плоскостопый выверт носка, широкий шаг, легкое прихрамывание на левую ногу.

Платонов посмотрел на обувь старшины.

— Успели сапогами поменяться?

Старшина смутился.

— Просил уж очень. Ему эти сапоги великоваты. Говорит, пятку сильно натер. А мои пришлись впору. Откуда же мне было знать, что он фашист? Да и сапоги его лучше моих...

Платонов и Атаев опрометью бросились по широкому, еле приметному следу. Видно было, что немецкий разведчик не шел здесь, а бежал. В лесу, густо усыпанном прошлогодними еловыми иглами, след исчез. Платонов и Атаев не пытались искать его. Они спешили к болоту, которое начиналось метрах в двухстах от дороги.

Сгущались сумерки. Наступал вечер. Сквозь редеющие на опушке ели виднелось небо, багровое от закатившегося солнца.

Вот и болото. Густой подлесок подступает вплотную к мохнатым кочкам, между которыми тускло поблескивает рыжеватая вода.

Платонов приложился к биноклю и замер. Он увидел спину переодетого гитлеровца. Высоко подобрав полы шинели, пригибаясь, фашист барахтался среди кочек, направляясь к островку с сараем.

8. РУКИ ВВЕРХ!

Дмитрий Кедров лежал на куче прелого сена у бревенчатой, отдававшей плесенью стены. Он никак не мог согреться. Одежда на нем не про-

сыхала со вчерашнего дня, и ее нельзя было отодрать от задубевшего тела. Да и как отдерешь? Уже вторые сутки руки Дмитрия накрепко связаны за спиной. И он непрерывно шевелил кистями, стараясь расслабить на них веревку.

В сарае было сыро и темно, несмотря на то, что посреди его пылал небольшой бездымный костер из сухого валежника. У костра молча сидели фашистские солдаты — Вормут и Шинкер. Пламя бросало на них красные блики. Дмитрий видел, что его враги смертельно устали. У гитлеровца, который сидел ближе к Кедрову, глубоко ввалились глаза, кожа, плотно обтянувшая кости лица, потемнела, заострились скулы. Уставившись глазами в костер, он сидел будто окаменевший.

Кедров, несмотря на то, что его прошибал озноб и он вторые сутки ничего не ел и не пил, чувствовал еще в себе силу: днем ему удалось час, другой уснуть на сене. Сейчас, энергично шевеля кистями рук, разгоняя кровь, он пробовал ослабить веревки. «Распутаться бы только. Я с этими гитлерюгами справлюсь»,— думал он, настороженно следя краем глаза, как второй гитлеровец клюет носом и с его колен прямо к костру сполз автомат.

В противоположной стене сарая зияла большая дыра. Сквозь нее виднелось красное вечернее небо над лесом и кусочек глади озера, на котором переливались яркие краски заката. Дмитрию чудилось, что это манит его свобода — такая близкая и желанная больше всего на свете. Казалось, вырвись он за стены

этого сарая, на шаг отойди от этого страшного места, и у него вырастут крылья...

Неожиданно слуха Дмитрия коснулся крик лесной птицы — тревожный, надрывный:

— Ка-гу-гу!.. Ка-гу-у-у!..

Солдаты, охранявшие пленного, встрепенулись. Один из них вскочил на ноги, просунул голову в отверстие в стене и страшным, охрипшим голосом ответил:

— Ка-ги-и!..

Через минуту в сарай ввалился Финке — «летчик-лейтенант», запыхавшийся, взволнованный. Он тревожно глянул в сторону Дмитрия.

Точно чем-то холодным плеснули Кедрову на сердце. Небо, видневшееся в проломе стены, вдруг померкло, и, кажется, исчезло все, что было вне сарая,— лес, луга, болота, речки, свобода... Даже труднее стало дышать, и в груди ширилась какая-то пустота.

Финке затравленно оглянулся вокруг и подошел к Кедрову.

— Или сейчас умрешь, или говори,— почему-то шепотом обратился он к пленному,— что у вас за разведчики, которые умеют следы отыскивать?

Но что мог Кедров ответить фашисту? Если б и знал он о следопыте сержанте Платонове и его отделении, все равно смолчал бы.

Постояв минуту над пленным, «лейтенант» пнул его ногой, выругался и отошел к костру. Быстро достал из вещмешка радиостанцию, подготовил ее к работе. За ним молча, настороженно наблюдали Шинкер и Вормут. Они видели на длинном, зубастом лице Финке страх,

и этот страх передавался им, хотя причины его еще были неизвестны.

Через минуту Финке уже переговаривался со своим шефом за линией фронта — обер-лейтенантом Герлицем. Он торопливо зашифровывал фразы и цифры и тихо, взволнованно выкрикивал их в микрофон. Цифры эти означали: «Русские напали на наш след. У них имеются специально обученные разведчики-следопыты. Встретить самолет не могу. Район выброски на парашюте выбирайте по своему усмотрению. Охотничью избу покидаю немедленно, ухожу за озеро. Завтра жду указаний о месте встречи. Что делать с пленным?..»

На последний вопрос обер-лейтенант ответил: «Пленного уничтожить...»

Свернув рацию, Финке оглянулся на своих солдат, потом вынул из кожаного чехла нож и сказал:

— Болото окружено, нас могут схватить. Давайте пленного сюда.

В это время в проломе стены мелькнула тень, и одновременно распахнулась дверь сарая. Ослепительные лучи карманных электрических фонарей с двух сторон ударили в глаза вражеским разведчикам.

— Руки вверх! — послышался грозный и твердый голос сержанта Платонова.

9. ОТЕЦ И СЫН

Лука Сильвестрович Кедров побывал сегодня у артиллеристов и саперов, выступал перед ними с речью, передавал фронтовикам наказ колхозников — нещадно бить фашистских окку-

пантов. Хозяйский глаз старого Луки примечал все: добротную одежду на солдатах и офицерах, сколько черпаков супа или каши достается в солдатские котелки, какую порцию махорки отмеряет старшина каждому курящему.

Вечер захватил его на пути в штаб дивизии. Лука Сильвестрович ехал верхом на молодой, маленькой гнедой кобылке. Его сопровождали инструктор политотдела батальонный комиссар Артемьев и начальник клуба политрук Подгрушенский. Из троих всадников только передний — Артемьев — умел сидеть в седле. Он, в перехваченной ремнями шинели, широкоплечий, грудастый, походил на заправского кавалериста. Высокая рыжая лошадь шла под ним спокойно, чувствуя, что узда находится в твердых руках.

Кобылка Луки Сильвестровича тоже чувствовала руку своего седока, но руку неуверенную. Она косилась по сторонам, на обступавший дорогу лес, пряла ушами и шаловливо разбрызгивала передними копытами грязь.

Луке Сильвестровичу было не по себе. Ему редко приходилось ездить в седле, и сейчас он себя чувствовал очень неуверенно. Собственно, он больше надеялся на благоразумие кобылы, а не на свое умение сидеть в седле. Но та не очень почтительно относилась к седоку. Она резво перемахивала через лужи и рытвины, высоко вскидывала при этом задом, все время пытаясь перейти на рысь. Лука Сильвестрович неуверенно опирался о стремена, что было сил сжимал колени, обхватывая ими кобылку, и цепко держался руками за седло. Ему казалось,

что вот-вот он потеряет равновесие и седло скользнет под брюхо коня.

Политрук Подгрушенский ехал в хвосте этой небольшой кавалькады и, как и старый Кедров, мучительно переносил езду. Сугубо гражданский человек, недавно призванный в армию, он всем своим видом подчеркивал неприспособленность к военной службе. Об этом говорили его большие очки, плотно сидевшие на мясистом носу, вздувшаяся пузырем на спине шинель, сбившееся на бок снаряжение.

Батальонный комиссар Артемьев чуть пришпорил коня. Кобылка Луки Сильвестровича тоже перешла на рысь. Старый Кедров, бросив узду, согнулся еще больше и уже двумя руками судорожно впился в гриву. Он терпеливо и молча переносил это испытание.

Подгрушенский взмолился:

— Потише, товарищ комиссар! Сейчас же выпаду в грязь...

— А ты за луку держись,— посоветовал Артемьев.

Старик Кедров опасливо покосился на Подгрушенского и, желая оказаться подальше от него, чуть пришпорил кобылу каблуками сапог. Она тотчас же перешла в галоп и оказалась впереди Артемьева. Артемьев понимал, что дело старика плохо, решил догнать его и остановить ретивую кобылку.

Что было дальше, Лука Сильвестрович толком не помнит. Он выхватил ноги из стремян и, изогнув их калачиком, сколько было сил прижал к бокам кобылы, невольно пришпоривая ее. А кобылица еще энергичнее прибавляла ходу, не желая, чтобы конь Артемьева обогнал ее.

Начальник клуба Подгрушенский капитулировал первым. Как только его высокая упитанная лошадь тоже ринулась вскачь вслед за передними, он не сумел сдержать ее и самоотверженно выбросился из седла на раскисшую дорогу.

Но вот Артемьеву удалось поровняться с кобылкой Луки Сильвестровича, ухватить ее под уздцы и остановить. Старый Кедров тут же решительно слез на землю и молча зашагал по обочине дороги. Никакие уговоры Артемьева снова сесть в седло не поколебали его.

Уже было темно, когда они приблизились к шлагбауму, перекрывавшему дорогу у землянок штаба дивизии. Навстречу Луке Сильвестровичу бросился солдат.

— Митяй! Митюшка!—обрадованно воскликнул старик, узнав сына. — Наконец-то...

На второй день, проводив отца, Дмитрий Кедров возвращался в свою роту. Он проходил по знакомой тропинке над ручьем, настороженно прислушивался к дыханию фронта, к лесным шорохам и держал наготове свой карабин.

Совсем недалеко от переднего края, где сквозь кусты чернотала виднелись брустверы наших траншей, Дмитрий столкнулся с пулеметчиком Новоселовым.

— Кедров, ты?!

— Видишь, чего ж спрашиваешь?

— Вижу. Только у нас слух прошел, что ты пропал куда-то.

— Мало ли слухов ходит. Будь здоров! — сказал Кедров и зашагал дальше.

Он совсем не хотел вступать в разговор, окончательно утвердившись в мнении, что излишняя болтливость не украшает солдата. «Человек в деле должен проявлять себя», — думал Дмитрий.

ВРАГ ОСТАВИЛ СЛЕДЫ

10. ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ КАРЛ ГЕРЛИЦ

Надрывисто гудят моторы «юнкерса» — большого транспортного самолета. От докучливого шума клонит ко сну. Но обер-лейтенант Карл Герлиц не спит. Он сидит на жесткой откидной скамейке, прислонившись спиной к гофрированной обшивке кабины. В кабине — полумрак, горит синяя лампочка у перегородки, за которой находятся пилоты.

Рядом с Герлицем, уронив голову на пристегнутый парашют, дремлет офицер разведки 16-й немецкой армии капитан Маргер — рыжеголовый бледнолицый мужчина, одетый в форму солдата Советской Армии. Свои длинные худые ноги с выпирающими мослами на коленках он вытянул почти к противоположной спинке кабины, где сидят, прижавшись друг к другу, три разведчика, одетые в такие же серые шинели, как и Маргер. Обер-лейтенант Герлиц смотрит на разведчиков сквозь узкие щелки глаз, и на его тонких губах трепещет презрительная улыбка.

«Наивны, как куропатки, и трусливы, как зайцы,—думает о них Герлиц.— И как это Маргер отважился выбрасываться с такими скороспелками? Знать русский язык, даже превосходно,— очень мало для настоящего разведчика...»

Карл Герлиц никогда не относился с доверием к прошедшим краткий курс обучения сынкам русских белогвардейцев. Что они могут, на что способны? Научились к месту и не к месту произносить слово «товарищ», запомнили знаки различия командиров Красной Армии да немного подрывное дело освоили. А конспирация, а искусство заметать следы, а, наконец, умение найти в стане врага «крышу», под которой обосноваться?.. На это способен только он, Карл Герлиц, и все те, кто закончил шпионскую школу «Орденсбург Крессинзее». Правда, немного уцелело «аспирантов», обучавшихся в этой образцовой школе «восточного направления». Да и было бы неразумным всех их посылать на такие мелкие задания.

Впрочем, не столь уж мелкое дело, на которое идет штабной офицер армейской разведки со своей небольшой группой. Шутка ли — перед самым наступлением армии генерала фон Буша оставить без боеприпасов дивизию русских, на участке обороны которой намечен прорыв! Обер-лейтенант Герлиц хорошо это понимает. Понимает и то, что многое может сделать подчиненный ему — опытному разведчику — отряд агентов. Он держит сейчас этот сколоченный армейской разведкой отряд на «боевом взводе», обучает его действиям в условиях лесисто-болотистой местности, где все

дороги в расположении русских перекрыты контрольно-пропускными пунктами. Еще неделя, другая, и Герлиц двинет свое тайное войско через линию фронта, двинет после того, когда сам еще раз на месте изучит обстановку, пройдется по тылам советских дивизий, соберет нужные сведения. Быстрее бы только встретиться с лейтенантом Финке. Жаль, что не очень он проявил себя в последней операции.

При воспоминании о Финке в груди Герлица шевельнулось приятное чувство. Они — старые друзья, однокашники,— как говорят русские. Вместе учились в окружной школе Адольфа Гитлера в Брауншвайде, куда попали с первым же набором в 1934 году. Потом несколько лет провели дома, в родном городишке Хенау, где под строгим тайным контролем и наблюдением проходили курс «практического обучения жизни».

«Практическое обучение жизни»,— думает Герлиц и ухмыляется. Он покосился на небольшое квадратное окошко кабины, за которым невидимо проносилась густая темень ночи, прислушался к размеренному шуму моторов самолета и погрузился в воспоминания.

Тогда они были совсем юные. Что то были за годы! Ночные шествия с горящими факелами по улицам, лихие, чеканные, как ступеньки лестницы, песни, праздничные парады в коричневой форме. Карл Герлиц и Ганс Финке делали все, чтобы оказаться пригодными для «специальной работы», чтобы попасть, наконец, в «академию» шпионов, дающую право на жизнь, полную невероятнейших приключений. Но отбирались в эту «академию»

далеко не все, кто окончил окружную школу Адольфа Гитлера и кто прошел курс «практического обучения жизни». Нужно было проявить себя способным к агентурной работе. И Герлиц с Финке «проявили» эту способность совершенно неожиданно для себя.

В один весенний день по городу пронесся слух, что умерла одинокая старая Гертруда. На первый взгляд ничего в этом необычного не было, но в городе все достоверно знали, что Гертруда — врожденная ведьма. Поэтому при жизни старухи дом ее, стоявший на самой окраине, среди небольшого сада, ночью обходили с чувством страха. А когда она умерла, даже днем немногие решались пройти мимо.

В Хенау бытовало поверье, давно завезенное немцами из русского плена: если умирает врожденная ведьма, наряжать ее для погребения должны женщины, которых она обучила своему ремеслу. И разумеется, не нашлось таких женщин в городишке. Боясь бросить на себя тень, никто, даже соседи старой Гертруды, не хотели взять на себя хлопоты о похоронах. Пришлось вмешаться местным властям. Бургомистр Хенау почтенный Мейер поступил очень благородно. Он пригласил к себе свою тещу — древнюю старуху — и еще двух пожилых женщин и поручил им сделать все, что нужно по обычаю.

И ходило еще такое поверье: ведьма через некоторое время после смерти должна подняться, посмотреть, кто ее снаряжает в последний путь, и сказать какое-то заветное слово.

Юным Карлу Герлицу и Гансу Финке очень хотелось посмотреть, как будет вставать со

смертного одра старая Гертруда. Когда стемнело, они забрались в ее двор и сквозь окно начали наблюдать, что делается в доме.

Карл помнит все до мельчайших подробностей. Гертруда лежала на столе. По комнате ходили старухи, наводя порядок. Потом две из них улеглись спать, а третья села у стола и начала читать молитвенник. Наконец, и она задремала.

Долго сидели Карл и Ганс под окном. Надоело. Уже решили было уходить. И вдруг Карл хихикнул.

— Чего ты? — спросил Ганс.

— Давай сами поднимем ведьму,— предложил Герлиц.

Тихо, как воры, пробрались они в комнату, без труда поставили на ноги закостеневшее тело старушки и пристроили под руки ей две палки. Убедившись, что покойница прочно стоит на столе, выскользнули во двор.

А на второй день... Обер-лейтенант Герлиц сотрясается от смеха. Он вспоминает, что было на второй день.

Утром к дому Гертруды подъехал бургомистр Мейер, а через минуту белый как стенка выскочил оттуда и что было духу побежал прочь.

Потом, когда похоронили Гертруду и трех старух, которые умерли в ее доме от страха, увидев вставшую ведьму, началось расследование. Городское начальство догадалось, что кто-то из молодежи подстроил эту штуку, и решило строго наказать виновных, тем более,— умерла от разрыва сердца теща бургомистра.

Но сколько ни доискивались, ничего не узнали. Карл и Ганс искусно замели следы.

Только всевидящее око, тайно наблюдавшее за тем, как воспитанники школы Адольфа Гитлера проходят курс «практического обучения жизни», узнало, чьих рук эта проделка. Узнало и... одобрило. Вскоре Карл Герлиц и Ганс Финке были направлены в город Фалькенбург, что на берегу озера Крессинзее.

Надрывно гудят моторы «юнкерса». Обер-лейтенант Герлиц ежится от прохлады, подносит к глазам руку, смотрит на светящийся циферблат часов, а потом снова погружается в воспоминания...

Школа «восточного направления» в Фалькенбурге. Она отличается от школ в Фогельзанге, Зонтхофене и Химзе только тем, что готовит шпионов, которым предстоит работать в СССР и в некоторых других странах на востоке от Германии.

Карл вспоминает, как шли они по железнодорожной ветке от станции Фалькенбург, шли вслед за человеком в темном плаще и темных очках, пока не уткнулись в глухую высокую стену. Карл и Ганс с трепетом прочитали на стене крупную надпись: «Проникновение за ограду без пропуска карается смертью». И вот они за оградой, где на огромной площади раскинулись одноэтажные серые здания. В тот же день они предстали перед начальником школы старым нацистом Годесом. Потом в подвальном этаже одного из корпусов принимали специальную присягу. У Карла Герлица дрожал тогда голос и по спине бегали мурашки. Ему было очень страшно. Он понимал,

что переступает такой порог, из-за которого нет возврата. И будущее уже не казалось Карлу таким заманчивым...

Началась учеба. Это, пожалуй, были самые трудные годы в его жизни. Наверное, так чувствуют себя животные, которых непрерывно дрессируют для выступления в цирке. К концу дня усталость валила с ног и всегда чертовски хотелось есть, хотя кормили в школе неплохо. С рассвета дотемна проводились занятия. Вся их рота обучалась русскому языку. И уже под конец первого года пребывания «аспирантов» в школе занятия по изучению экономики, армии, законодательства, внутренней и внешней политики СССР проводились на русском языке. В учебных классах слышалась немецкая речь только тогда, когда осваивались формы, виды и методы ведения агентурной разведки, методы диверсий, дезинформации и другие специальные предметы.

Карл Герлиц проявил большие способности в умении держать себя, в искусстве грима и быстрого переодевания. Однажды на спортивных занятиях брошенная кем-то из «аспирантов» ручная граната, скользнув по земле, задела ступню ноги Герлица. Карл, до этого с тоской думавший о завтрашнем дальнем марше на выносливость, вмиг оценил выгодность своего положения. Он упал. Подбежавшим товарищам не дал и притронуться к ноге. А когда подоспевший врач снимал с него ботинок, на лице Карла было написано такое неподдельное мучение, что тот с уверенностью решил: треснула кость. Однако осмотр не подтверждал такого диагноза. Был заметен только легкий ушиб

ступни, а пострадавший тем не менее испытывал адскую боль. И лишь на второй день рентген установил, что ступня цела. Но рота уже находилась на марше...

Открылась дверка кабины пилотов. Обер-лейтенант Герлиц отмахнулся от воспоминаний.

— Пора? — спросил он летчика, высунувшего в дверку голову.

— Через две минуты,— ответил тот.

Карл Герлиц поднялся со своего места и сделал шаг к склонившему голову над парашютом капитану Маргеру. Маргер тотчас же поднял бледное лицо с впалыми щеками, и по его глазам — серым и острым — Герлиц догадался, что капитан не спал. Зашевелились и остальные разведчики. Они зевали и потягивались как ни в чем не бывало. Но Герлиц уловил их притворство, хитрость, за которыми скрывался страх — живой, неодолимый. Этот страх все они, даже капитан Маргер, испытывали с той минуты, когда сели в самолет, и, чтобы не выдать его ни взглядом своим, ни бледностью лица, ни нервным движением руки, притворились спящими. Герлиц знал, что их пугал не прыжок с парашютом,— это дело привычное. У каждого из них за спиной десятки тренировочных прыжков. Боялись разведчики другого — неизвестности, которая ждет их впереди, боялись опасностей, которые таит в себе встреча с русскими солдатами.

А он, Карл Герлиц, как раз боялся больше первого — самого прыжка: «А вдруг не раскроется парашют? — холодила душу мысль.— Вдруг русские заметят его в момент приземления?..»

Герлиц горько усмехнулся своим мыслям и упрекнул себя: «Тебя, старина, страшит та опасность, которая ближе. Потом новой будешь бояться...»

Обер-лейтенант пожал протянутую капитаном Маргером руку и сказал:

— Значит, условие прежнее: действуем порознь, но поддерживаем радиосвязь. Если же с Финке мне встретиться не удастся, тогда базируемся вместе...

Через минуту четыре полусогнувшиеся человеческие фигуры одна за другой нырнули в открытую дверь кабины — вниз головой.

На борту самолета, кроме экипажа, остался обер-лейтенант Карл Герлиц. Он должен выброситься у большой излучины реки через четыре минуты.

Нервный озноб охватывает тело Карла. Никак нельзя отделаться от этой противной дрожи, от тревоги, которая давит на сердце каждый раз, как только вырисовывается впереди опасность.

Герлиц уселся на свое место, закинул ногу на ногу и внимательно, уже который раз, осмотрел свои ботинки, специально подготовленные для такого случая. Герлица обеспокоила радиограмма Финке о русских следопытах. О них Герлиц никогда раньше не слышал. И эти ботинки, если его — Герлица — заметят во время приземления, нужных следопытам следов не оставят. Точно такие же ботинки на ногах Маргера и его разведчиков. Ботинки, конечно, придется выбросить сразу же после того, как будут спрятаны парашюты и останется далеко позади место приземления.

Герлиц припал лицом к холодному окошку. Сквозь прозрачный целлулоид заметил, как тускло сверкнула внизу река. Герлиц подошел к двери. В эту минуту он себя ненавидел. Давящее чувство страха холодило тело, сковывало движения. О, если бы на борту самолета находились его коллеги. Карл Герлиц с гордостью прошелся бы перед ними, прежде чем прыгнуть в эту гнетущую неизвестность. Он готов на самый невероятный подвиг, но только перед лицом людей, которые могут этот подвиг оценить. Честолюбие помогает побороть любой страх. Но сейчас он — один на один с собой. А себя не обманешь...

Опять открылась дверка кабины пилотов. Герлиц приободрился. Подошедший летчик пожал ему руку и подтолкнул к распахнутой двери. Карл гордо шагнул в разверзшуюся перед ним темноту.

11. ЧЕЛОВЕК С КОПЫТАМИ

Погожие дни стоят в приильменских лесах. Конец апреля выдался теплым и безоблачным. Солнце и мягкий ветерок быстро сушат раскисшую во время весенней распутицы землю. Все вокруг покрывается молодой, яркой зеленью. Нет такой полянки, где бы к небу ни тянулась нежная поросль травы, где бы ни вспыхивали синими, желтыми, красными огоньками ранние лесные цветы. Солнечные лучи пробиваются в самые тайные уголки лесной глухомани и пробуждают там жизнь.

Хорошо вокруг днем. Легко дышится, можно снять надоевшую за зиму шинель или фуфайку, можно сбить на затылок шапку-ушанку

и ругнуть тыловое начальство за то, что медлит с распоряжением о выдаче бойцам пилоток. Однако ночью солдаты забывают о том, что днем тяжелы им были шинель и шапка. Влажная свежесть заставляет ежиться, потуже затягивать поясной ремень. Ночью кажется, что и не было теплого дня, горячего солнца.

Особенно достается саперным командам, которые дежурят на переправах. Давно кончился ледоход на Ловати и Поле, но вода в реках продолжает прибывать, несет с собой лес, приготовленный для сплава еще до войны, угрожает временным фронтовым мостам. Круглые сутки наблюдают солдаты за уровнем воды и за тем, чтобы плывшие по реке бревна не создавали затора.

В эту ночь, в предрассветные часы, когда особенно одолевает сон, на переправе дежурил рядовой Евгений Фомушкин — солдат из отделения плотников сержанта Рубайдуба. Невысокого роста, стройный и тонкий, Фомушкин ходил вдоль перил с карабином в руках и поеживался. Нерадостные мысли бродили в его горячей голове. Сетовал Фомушкин на свою военную судьбу, сделавшую его — прирожденного разведчика — сапером, да еще таким сапером, которого посылают на мостовые работы только в тылу. Трудное дело махать топором, когда душа, сердце рвутся туда, где время от времени погромыхивает артиллерия, где идут настоящие бои, где совершаются героические подвиги.

Евгений Фомушкин — еще совсем молодой солдат. Прошло лишь две недели, как он с маршевой ротой прибыл из запасного полка на

фронт в приильменские леса. Но две недели фронтовой жизни казались Евгению не коротким сроком. И его серьезно огорчало то, что за этот срок ничего значительного сделать не удалось. И если откровенно говорить, так он до сих пор не видел даже живого фашиста!..

Евгению, или просто — Жене, как звали его товарищи, недавно исполнилось семнадцать лет. На фронт пошел он добровольно. Впрочем, «добровольно» — не то слово. Ему выпало испытать много трудностей, обойти немало препятствий, прежде чем стать добровольцем. Короче говоря, помогло упорство Жени.

Два дня ходил он по пятам секретаря райкома комсомола Галины Зайцевой и надоел ей так, что она самолично побывала у райвоенкома и доказала ему, что без комсомольца Евгения Фомушкина, эвакуированного в этот уральский городок из Севастополя, на фронте ни за что не обойтись.

Потом состоялся неприятный разговор с райвоенкомом — пожилым сердитым майором с седыми усиками. Майор не очень вежливо выставил Женю из кабинета и приказал не надоедать ему, а ждать повестки.

Но ждать у Жени не было никаких сил. В ночное время — в третью смену — работал он на мебельной фабрике, которая изготовляла повозки для фронта, а днем дежурил у военкомата или курсировал под окнами квартиры военкома. И добился своего: его направили в запасной полк. А там, на беду Жени, узнав, что он хороший плотник, сделали из него сапера, хотя (Женя был в этом твердо убежден) он прирожденный разведчик.

И вот теперь Евгений Фомушкин караулит переправу. Скучное дело: ходи по мосту и наблюдай за водой, да и по сторонам смотри. А тут еще прохлада донимает — вода совсем рядом плещется о мостовые сваи, и такой промозглой сыростью тянет от нее, что все тело корчит, как бересту на огне.

Фомушкин нетерпеливо поглядывает на восток. Небо светлеет там медленно, и на его фоне гребенка недалекого леса вырисовывается еле-еле. Но все же время идет, и Женя с радостью думает, что через десять-двадцать минут на пост заступит новый часовой, а он заберется в землянку и у пылающей железной печурки крепко уснет.

В темных облаках прогудел немецкий бомбардировщик. Фомушкин не обратил на него особенного внимания: мало ли самолетов бороздит ночное небо? Евгений прошелся по мосту, похлопал озябшими руками по перилам и еще раз оглянулся на светлеющее небо. И в этот миг он увидел, как по ту сторону реки что-то серое медленно спускалось на землю.

Фомушкин бросился к землянке, где отдыхали товарищи.

— Вставайте, фашисты парашютиста сбросили!..

Саперы, протирая заспанные глаза, торопливо выскакивали из землянки, захватив с собой оружие.

— Где, где парашютисты? Сколько их?..

Но на фоне темной стены леса уже ничего не было видно.

— Совсем недалеко! — взволнованно говорил

Фомушкин. — По правую сторону дороги. Одного заметил...

Сержант Рубайдуб окинул взглядом свое немногочисленное «войско», выстроившееся у моста.

Кроме Фомушкина, это были пожилые солдаты — колхозные плотники и столяры, ставшие теперь строителями военных мостов.

— Кириллов, Поцапай, Крупенев, охраняйте мост! — приказал Рубайдуб. — Остальные — за мной!

Саперы побежали на поиски парашютистов. Под их ногами загудел настил моста...

Вернулись, когда уже совсем рассвело, усталыми, злыми. Никого не нашли. Но Евгений Фомушкин твердил свое:

— Собственными глазами видел...

— Это тебе с перепугу показалось! Померещилось, бывает,— кольнул Фомушкина солдат Поцапай.

Молодое, остроносое лицо Евгения потемнело от обиды. В серых глазах сверкнули упрямые огоньки. Он обратился к Рубайдубу, который сидел у землянки на кучке дров и щепкой соскребал с сапог грязь.

— Товарищ сержант, разрешите мне еще поискать.

— Иди... Только к завтраку чтоб вернулся.

Фомушкин возвратился, когда над лесом всплыло солнце. Ни на кого даже глаз не поднял: поиски парашютиста ни к чему не привели. Сержант Рубайдуб подсунул ему котелок с уже застывшей пшенной кашей — «блондинкой», как ее звали солдаты, и пошел на мост,

где саперы длинными баграми расталкивали в воде скопившиеся бревна.

Евгений посидел над котелком с кашей, поглядел в землю, потом решительно поднялся и пошел к командиру отделения.

— Товарищ сержант, позвольте еще сходить... Видел же я его!..

Сержант разрешил.

Фомушкин, чуть наклонившись вперед, стремительно шел по мосту к другому берегу, а сержант Рубайдуб глядел ему вслед задумчивыми глазами и одобрительно качал головой.

— Кремешок, а не хлопец... — тихо сказал он про себя.

На этот раз Фомушкин вернулся быстро — возбужденный, торжествующий. На его плечах саперы увидели скомканное белое полотно парашюта.

— Женя! Нашел?!

— В старом блиндаже,— взволнованно сообщил Фомушкин.

Сержант Рубайдуб торопливой трусцой побежал в землянку, к телефону.

Генерал Чернядьев сидит за столом и молча рассматривает развернутую карту. Сквозь небольшие окошки в землянку струится свет, но его мало, и поэтому над столом горит маленькая электрическая лампочка.

Чернядьев морщит свой высокий открытый лоб и еще раз пробегает глазами листы бумаги, на которых записаны показания трех пойманных вчера вечером немецких лазутчиков, пытавшихся пленить солдата Кедрова. Особенно

интересны показания лейтенанта Ганса Финке — кадрового агентурного разведчика. Его вместе с несколькими другими выпускниками Фалькенбургской шпионской школы «восточного направления» прислали в 16-ю немецкую армию генерала фон Буша. Здесь обученные шпионы должны на практике познакомиться с советскими войсками и подготовить себя для агентурной работы в Красной Армии. Фон Буш воспользовался пребыванием в своей армии тайного «войска», придал ему полтора десятка разведчиков, прошедших ускоренные курсы, и приказал пока заниматься войсковой разведкой, диверсиями и в ходе этого готовиться к агентурной работе.

На разостланной перед генералом Чернядьевым карте среди зеленых лесных массивов в синем карандашном кружке зажат хутор Борок. Чернядьев остановил на нем свой взгляд и задумался. В Борке, по показаниям пленных, размещается вся группа фашистских разведчиков. Хорошо бы разгромить это змеиное гнездо, прежде чем его обитатели успеют расползтись.

Но и другое беспокоит генерала. Раз враг так активизировал свою разведку, значит, готовится к какой-то серьезной операции. Нужно быть начеку. Об этом напомнил Чернядьеву сегодня по телефону и командующий армией.

При воспоминании о разговоре с командующим генерал морщит лицо. Действительно неприятная история... После допроса в штабе дивизии, пленных сегодня утром отправили на машине в штаб армии. По дороге лейтенант Ганс Финке пытался бежать и получил пулю в правую ногу. Пришлось завезти его в мед-

санбат и оставить там, ранение серьезное: раздроблена кость. А Финке — самый ценный «язык». Он многое мог бы рассказать в штабе армии. Вот и недоволен командующий, что не усмотрели за пленным.

Размышления генерала Чернядьева прервал начальник дивизионной разведки майор Андреев. Он протиснулся в узкую дверь землянки, низко наклоняя голову. Комдив, окинув взглядом сухощавую, высокую фигуру Андреева, не удержался от своей излюбленной шутки:

— Все растешь, товарищ разведчик? На месте командиров полков я тебя на свой передний край не пускал бы: демаскируешь.

Лицо начальника разведки было озабоченным и на шутку генерала он ответил только короткой улыбкой. Тут же доложил:

— Сегодня на рассвете сброшен парашютист.

Развернув свою карту, майор ткнул в нее пальцем:

— Вот здесь его заметили и здесь же найден парашют.

— Что вы предприняли? — спросил генерал.

— На всех объектах приказано усилить караул. На контрольно-пропускных пунктах проверяют каждого человека. Усилена радиоразведка с использованием кода, найденного у пойманных вчера лазутчиков.

— Все?

— Нет. Хочу сейчас же послать разведчиков-следопытов к месту, где найден парашют.

— Но Платонов на передовом наблюдательном пункте,— возразил генерал,— оттуда днем не выбраться — подстрелят. Кроме того, пусть

Платонов продолжает готовиться к походу за линию фронта: Борок нужно разгромить.

— Я возьму разведчика Шевченко. Он тоже напрактиковался следы читать. Также считаю целесообразным перевести отделение следопытов из полковой разведки в дивизионную. Здесь их можно лучше использовать.

— Согласен, действуйте,— сказал генерал.— И еще одно: этот Финке утверждал, что заброска новых групп разведчиков-диверсантов в наш тыл намечалась гитлеровцами после его возвращения в Борок. Значит, обманул?

— Выходит, так.

— Еще раз допросите его, пока он у нас. Выясните, на какой срок будет пригодна кодированная карта лейтенанта Финке.

Чернядьев поднял на Андреева глаза, и его сухощавое лицо расплылось в хитрой улыбке.

— Понимаете, как можно одурачить их? — спросил генерал. — Не догадываетесь? Код в наших руках, и если кодированная карта не устарела, связаться по радиопередатчику Финке с этим парашютистом и назначить ему «свидание».

— Я думал над этим,— ответил Андреев. — Но как узнать, имеет ли этот парашютист отношение к Финке, есть ли у него передатчик? И, наконец, вряд ли рискнет он пользоваться тем же кодом.

— Словом, допросите Финке еще раз,— заключил разговор командир дивизии.

Через час после того, как Евгений Фомушкин нашел в старом блиндаже запрятанный па-

рашют, к переправе, где дежурило отделение саперов сержанта Рубайдуба, приехали лейтенант Сухов и рядовой Игнат Шевченко.

Лейтенант Сухов — командир взвода из подразделения дивизионной разведки. Он только что получил приказание принять в свой взвод отделение сержанта Платонова. И не успел познакомиться со следопытами, как пришлось идти на это необычное задание.

Лейтенант Сухов — человек молодой, но замкнутый, малоразговорчивый. Невысокий, с большими руками и угрюмым грубоватым лицом, он с первого взгляда не вызывал к себе симпатии, хотя поражал силой, которая заметна в каждом его движении. Шутники рассказывают, что в одном бою Сухов подобрался к избе, в которой засела группа фашистов, и заорал на них: «А ну, выходи, а то дом завалю!» Сам же уперся плечом в бревенчатый угол избы и приподнял его. Фашистам показалось, что это танк собирается протаранить дом, и они сдались.

Убедившись из рассказа Фомушкина, что сброшен только один парашютист, Сухов приказал:

— Вот вы с нами и пойдете, укажете, где парашют найден. Остальные не нужны.

Саперы, сгоравшие от нетерпения броситься на поиски парашютиста, были очень огорчены этим.

Прежде чем отправляться к старому блиндажу, Игнат Шевченко попросил саперов сделать на сырой земле четкие отпечатки своей обуви.

— Чтобы не спутать следы парашютиста с вашими,— пояснил он и принялся сосредоточенно рассматривать отпечатки.

Игнат явно важничал. Как никак,— он здесь самый главный следопыт! И хотя даже для неопытного в следопытстве Фомушкина было ясно, что следы саперов очень легко отличить от всех других следов (отделение Рубайдуба только на прошлой неделе получило новые сапоги), Шевченко продолжал «колдовать» над следами.

Наконец, лейтенант Сухов, обратив внимание на слишком затянувшееся исследование следов, улыбнулся и сказал Игнату:

— А ну, профессор, хватит! Шагом марш на мост!

Игнату не по душе пришелся такой тон. Но ничего не поделаешь: командир приказывает. Для пущей важности он посмотрел еще отпечатки сапог лейтенанта и вдруг заторопился:

— Теперь все. Пусть фашист попробует уйти.

Но поспешил Игнат хвалиться. Сколько ни искали они следов у блиндажа, в котором был обнаружен парашют,— никаких результатов. Вокруг виднелись только знакомые отпечатки, оставленные ногами саперов, да еще видно было, что через поле прошла мимо блиндажа корова.

Первый усомнился в коровьих следах Фомушкин:

— Откуда могла взяться здесь корова? Может, на мясо кто погнал? Но почему не дорогой? — размышлял он вслух.

Шевченко наклонился над следами коровьих копыт, подумал и вдруг заволновался:

— Точно! Это его следы...

— Парашютиста? — удивился Сухов.

— Да! Корова-то на двух ногах не ходит? А здесь видно, что шаг не сдвоен, как это бывает у четвероногих. Старый прием...

И еще такую деталь заметил Игнат: задняя часть отпечатка копыта была глубже передней, значит, копыто ступало задом наперед.

Шевченко торопливо пошел по следу копыт. От него не отставали лейтенант Сухов и Евгений Фомушкин.

Отпечатки привели в раскинувшийся на продолговатой, чуть заметной возвышенности лес. Разведчики углубились в него.

Лес жил бурной утренней жизнью: на разные лады щелкала где-то варакуша, прерывистой струйкой воды звенела песня крапивника, соревновались клест и чиж, оглашая лес громкими, полными трелями, пересвистывались щур с иволгой. Веселый гомон птиц сливался в непередаваемую музыку — мирную и убаюкивающую. Но разведчикам было не до лесной музыки. Здесь земля густо покрыта опавшей хвоей, и трудно разобраться, куда вели следы.

Игнат Шевченко напрягал все свое внимание. Он смотрел вперед, стараясь издали заметить сбитую прошлогоднюю траву, сдвинутые иглы хвои, густо устилавшие землю, надломанные на деревьях ветки, сдвинутый с места и раздавленный валежник. Так удавалось ему «держаться» за след, угадывать, куда пошел фашистский лазутчик.

Они двигались километра два, пока путь их не перерезала глухая лесная дорога, наискосок идущая от линии фронта к большой магистрали. На обнаженной полосе песчаного грунта виднелись колеи, оставленные колесами редко проходивших автомашин и повозок. Шевченко внимательно осмотрел дорогу, но следа коровьих копыт на ней не обнаружил.

— Куда они запропастились? — растерянно разводил руками Игнат.

— След исчезнуть не может,— упрямо напомнил Фомушкин и, уловив на себе одобрительный взгляд лейтенанта Сухова, добавил:— Не улетел же фашист.

Шевченко вспомнил, как учил его поступать в таком случае сержант Платонов: «Нужно обозначить место, где оборвался последний след». Так и сделал: рядом с еле заметным отпечатком копыта положил ветку и метр за метром начал осматривать землю, описывая вокруг ветки круги. Ему помогали Сухов и Фомушкин.

Наконец Игнат заметил отпечаток подошвы обыкновенного солдатского сапога русского покроя. След вел от глубокой воронки к дороге.

— Здесь фашист переобувался,— уверенно сказал Шевченко, разглядывая примятую траву, продолговатые лунки, выдавленные каблуками в пологих стенках воронки.

Евгений Фомушкин проворно соскользнул к залитому водой дну. Засучив рукав, ощупал дно и вытащил затопленные «ботинки».

Теперь все окончательно убедились, что след, по которому они шли, действительно принадлежит человеку. Лейтенант Сухов и Фо-

мушкин с любопытством осматривали ботинки, на подошве которых была приспособлена особая подбойка в форме коровьего копыта, обращенного передней частью назад.

От воронки следы повели разведчиков к дороге. Они были расположены друг от друга дальше обычного. И это значило, что оставивший их человек бежал.

— Спешил почему-то,— заключил Шевченко.

Но на дороге след исчез. Шевченко снова начал осматривать каждую вмятину в песке.

— Сел на попутную машину,— сказал, наконец, Игнат, показывая лейтенанту глубокий оттиск носка, сделанный фашистом в тот момент, когда он перенес всю тяжесть своего тела на одну ногу, а вторую занес на колесо грузовика. — Поэтому и бежал — спешил перехватить машину.

— Но как мы теперь узнаем, в какую сторону поехала машина? — недоумевал Фомушкин.

— Сейчас выясним,— деловито ответил Шевченко, на ходу осматривая промежуток между колеями, оставленными колесами грузовика. Пройдя метров сто, Шевченко остановился.

— У этого зиса картер протекает,— сказал он. — Видно по следам масла на дороге.

Игнату, как и всем следопытам отделения Платонова, было известно, что, если у машины течет масло из картера или вода из радиатора, они оставляют на земле следы в виде продолговатых брызг, обращенных своим острием в сторону движения.

— Признак ясный — машина поехала в сторону фронта,— пояснил Игнат.

Следопыты быстрым шагом пошли вперед.

Фомушкин хмурил свои седоватые с золотинкой брови, глядел в землю и над чем-то сосредоточенно размышлял. Наконец, он спросил:

— Ну, а если бы картер машины не протекал?..

— Тогда другим бы способом узнали, куда уехал грузовик,— уверенно ответил Шевченко и с чувством собственного достоинства оглядел молодого сапера. — Смотри: вот свежая колея, оставленная колесами повозки. По отпечаткам подков лошади видно, что повозка шла к фронту. А вот здесь машина обгоняла повозку. Известно, что машины обгоняют только с левой стороны. Значит, и этот признак говорит о том, куда уехал зис.

— Почему вы утверждаете, что здесь прошел именно зис? — спросил лейтенант Сухов.

— Конечно, ЗИС-5! — воскликнул Шевченко, удивляясь, что лейтенанту-разведчику неизвестны такие простые вещи. — И нагружен этот зис крепко. Смотрите, какой широкий след оставили колеса. А это истина: чем больше груз, тем шире расплющиваются скаты—шире колея. На одном скате — заплата. По ее следу в колее видно, что здесь прошел зис.

— Непонятно,— заметил Фомушкин.

— Очень даже понятно! Расстояние от отпечатка заплаты к отпечатку равно окружности колеса. А разведчик должен знать длину окружности колес автомобилей разных марок.

Евгений Фомушкин даже свистнул от удивления.

— Вот бы мне научиться так! — со вздохом проговорил он.

— А чего, просись у лейтенанта. Ты парень подходящий, для разведки подойдешь,— высказал свое мнение Шевченко.

— Правда? — голос Фомушкина дрогнул. Он умоляюще посмотрел в хмурое лицо лейтенанта Сухова.

— Товарищ лейтенант... Я же специально на фронт шел для того, чтобы разведчиком стать...

— Потом. Сейчас не до этого,— недовольно ответил Сухов.

Колея зиса привела на огневые позиции артиллеристов. На небольшой поляне справа от дороги разведчики увидели машину. Четверо солдат снимали с нее последние ящики со снарядами и уносили их в глубину леса.

Подошли к шоферу — невысокому солдату в зеленом замасленном комбинезоне. Он стоял у раскрытого капота мотора и о чем-то думал.

— Кого вы подвозили с этим рейсом? — спросил у шофера лейтенант Сухов.

— Мало ли голосующих на дороге,— ответил шофер. — Последним подвозил какого-то старшину. Чуть недоезжая перекрестка, он соскочил. А что такое?

— Нужен нам этот старшина. Какой он из себя?

Шофер недоуменно пожал плечами и ответил:

— Обыкновенный. Заметил только, что повыше меня будет да вещмешок за спиной.

От огневых позиций до перекрестка лесных дорог — с километр. Мимо проезжала грузовая машина, и лейтенант Сухов энергичным взмахом руки приказал шоферу затормозить.

Быстро вскочили в пустой кузов, и машина понеслась по знакомой разведчикам дороге.

Издали увидели на перекрестке человека. Уверенно расставив ноги, он спокойно ждал машину. Когда она приблизилась, человек поднял руку.

Шофер остановил машину, и разведчики соскочили на землю. Человек (на петлицах его шинели было по два красных прямоугольника), подошел к кабине и попросил шофера:

— Подвези-ка, дружок!

Шофер измерил майора недовольным взглядом, прибрал с сиденья вещмешок с сухим пайком и, открыв дверку кабины, хриплым голосом ответил:

— Садитесь.

— Товарищ майор, минуточку,— обратился лейтенант Сухов. — Вы, случайно, не встречали здесь высокого старшину с вещевым мешком за спиной?

Майор широко открытыми глазами посмотрел в лицо лейтенанту, подумал и ответил:

— Нет, не встречал.

Машина поехала дальше, а Сухов, Шевченко и Фомушкин пришли к тому месту, где, по словам шофера, привезшего снаряды, соскочил старшина.

Игнат без труда отыскал знакомый след. Он вел вглубь леса.

Опять пошли по следу. Снова приглядывались, где среди густого подлеска сдвинута прошлогодняя листва, рыжие иглы опавшей хвои, где раздавлен ногами сушняк.

Пробирались вперед осторожно, держа наготове оружие. Неумелый шаг, лишнее движение

могли выдать присутствие следопытов. Игнат Шевченко напряженно всматривался в лесную чащу, прислушивался, старался издали увидеть, где обрывались следы. Затем крадущейся походкой пробирался дальше и снова смотрел вперед.

Сухов и Фомушкин шли так же осторожно, шагах в десяти сзади, готовые в любой миг пустить в ход оружие.

Наконец дошли до такого места, где след исчез. Как ни смотрели разведчики себе под ноги, нигде и намека на то, что здесь прошел человек. Возвратились чуть назад, к тому месту, где был замечен на голом клочке земли четкий отпечаток сапога «старшины».

Фомушкин, шедший несколько в стороне, вдруг увидел точно такой же отпечаток под кустом орешника, потом второй. Только носки этих отпечатков были направлены в противоположную сторону — к дороге.

Шевченко осмотрел следы, прошелся немного вдоль них и с недоумением развел руками.

— Вернулся назад. Что это значит?

— Нужно выяснить, зачем этот парашютист приходил сюда,— сказал лейтенант Сухов.

Следопыты начали осматривать каждый куст, каждое дерево. Сухов первым обратил внимание, что со ствола одной приметной сосны осыпалась старая кора. Под сосной было вытоптано. И тотчас же острый глаз Фомушкина разглядел среди ветвей какой-то сверток.

— Снять, только осторожно,— приказал лейтенант.

Через минуту сверток был на земле. Это оказалась обыкновенная солдатская плащ-палатка, в которой завернут вещмешок. А в вещмешке — портативный радиопередатчик, консервы, галеты, шоколад, ракетница, ракеты, батарейки к электрическому фонарю и всякая другая мелочь. Среди этой мелочи увидели две пары петлиц — одна с шинели, другая — с гимнастерки. На петлицах — по четыре треугольника. Они говорили о том, что носивший их имел звание старшины.

— Только что спороты,— заключил Сухов.— И боюсь, что майор, которого мы встретили на перекрестке...

Сухов не договорил. Его перебил горячившийся Шевченко:

— Наверняка это он! Не зря так глазами сверкнул, когда про старшину у него спросили...

— Дурака сваляли, а не спросили! — зло проговорил Сухов. — А ну, бегом к дороге! Нужно посмотреть следы майора.

— Может, засаду устроить? — предложил Шевченко.

— Так он и вернется сюда. Видел же, что мы на след напали,— ответил лейтенант.

— А если то был не он?..

— Сейчас проверим.

Вскоре разведчики были на перекрестке, у того места, где майор садился в машину.

— Эх, тогда бы посмотреть на эти следы!— сокрушался Шевченко. — В руках держали «майора» и упустили...

* * *

На столе, перед генералом Чернядьевым,— листы бумаги с дополнительными показаниями раненого лейтенанта Ганса Финке. Финке утверждает, что, кроме его группы, которая схвачена, никого из немецких разведчиков в расположении наших войск нет и до его возвращения в Борок быть не должно. Финке оговаривается: он не отвечает за войсковых разведчиков. Штаб любого немецкого полка, любой дивизии может забросить их самостоятельно.

«Верить ли словам этого матерого фашиста? — думает генерал Чернядьев и морщит свой высокий лоб. — Как узнать — одного ли поля ягода этот «майор», которого выследила и упустила группа лейтенанта Сухова? Жалко, что «майор» оставил в лесу передатчик. Теперь радиоразведка ничего не даст...»

Было над чем задуматься генералу. След «майора» безнадежно затерялся на фронтовых дорогах. Никакие меры — прочесывание леса, выставление дополнительных контрольно-пропускных пунктов — результатов не дали. Ясно одно — в наших тылах орудует враг, враг хитрый, опытный, коварный.

Чернядьев развертывает на столе карту, закрывая листы с показаниями пленного немецкого лейтенанта, и пристально смотрит в нее. Перед глазами короткая надпись: «Хут. Борок», и несколько черных квадратиков. Здесь находится база фашистских разведчиков, отсюда направляются их действия.

Генерал тянется рукой к телефонной трубке и вызывает начальника разведки майора Андреева.

— Новостей никаких?..— спрашивает Чернядьев.

— Никаких.

— Значит, нужно ускорить намеченный удар. И бдительность, бдительность, бдительность! Особенно в тыловых подразделениях... Следопытов не перевели из полка? Пусть перебираются совсем оттуда. Платонова вызовите ко мне.

...Иван Платонов втиснулся в узкую дверь генеральской землянки и, щурясь от яркого электрического света, доложил:

— Прибыл по вашему вызову.

Генерал внимательно посмотрел на широкое, курносое лицо сержанта с острыми живыми глазами, не торопясь, поднялся из-за стола, протянул ему руку.

— Как дела, следопыт?

Платонов, вытянувшись в струнку, молчал.

— Что молчите?

Выдержав пристальный взгляд командира дивизии, Иван ответил:

— Обидно, товарищ генерал, что упустили «майора»...

— Согласен, очень обидно, но, думаю, дело поправимо.

— Как вас понимать, товарищ генерал?

— А понимать так: нужно срубить под корень эту нечисть. Вы к переходу через линию фронта готовитесь?

— Не слезаю с наблюдательного пункта.

— Вот, вот... Ищите место, где можно совершенно незамеченными пробраться к немцам в тыл.

Платонов приготовился выслушать задачу. Но генерал медлил и, казалось, собирался затянуть беседу. Сержант насторожился, стараясь уловить главное в разговоре. И здесь, как всегда, у Платонова сказывалась привычка разведчика — видеть и слышать все, но мысли приковывать к самому нужному. Однако сейчас все, о чем говорил генерал, казалось нужным и главным.

...— Я о рейде в тыл говорю,— продолжал генерал. — Лейтенант Финке сообщил, что из Германии прибыла на наш фронт группа только что подготовленных лазутчиков. Сейчас они размещены на хуторе Борок, ждут заброски в наш тыл, тренируются в условиях лесисто-болотистой местности. И еще одно: немецкая разведслужба узнала о наших следопытах. Враг принимает контрмеры. Свидетельство этого — копыта непойманного гитлеровца — «майора».

Платонов слушал и внимательно смотрел в разостланную на столе карту, на которой среди лесных массивов был обозначен крохотный хутор Борок.

Перехватив взгляд сержанта, генерал сказал:

— Надо разгромить это гнездо. Но для этого нужно пробраться в расположение немцев.

— Разрешите готовить людей к операции?— спросил Платонов.

— Не торопитесь, выслушайте,— остановил сержанта комдив.

— Одному вашему отделению с такой задачей не справиться. А большому отряду перейти линию фронта трудно. Придется пробираться к фашистам в тыл хотя бы двумя группами или в разное время. В тылу предстоит попутно решить и другую задачу. Стало известно, что на участке немецкой обороны перед нашей дивизией гитлеровцы вот-вот введут свежие силы.

Генерал имел в виду показания того же пленного фашиста. Финке рассказал, что перед заброской в наш тыл по пути на аэродром в населенном пункте Лубково он встретился со знакомым унтер-офицером. Тот сообщил, что в районе Лубково до сих пор находилась в резерве часть. На этой неделе она тронется к линии фронта.

Зная, что для перехода к передовым позициям гитлеровцам потребуется не меньше трех-четырех суток, так как они могут идти только ночью, а днем будут прятаться в лесу от советской авиации, командир дивизии рассчитывал, что нашим разведчикам удастся застать врага на дорогах, уточнить самый факт появления новых сил и примерно определить их численность.

— И если,— промолвил генерал,— вам удастся не только разгромить Борок, но и понаблюдать за дорогами или, еще лучше, привести из тыла «языка», сделаете большое дело...

Телефонный звонок, которого комдив, казалось, ждал, не дал ему завершить разговор. Чернядьев взял трубку.

— Сейчас же выезжаю,— сказал он в микрофон.

Затем повернулся к Платонову:

— Пока нашу беседу прервем. Завтра майор Андреев вызовет вас в одиннадцать ноль-ноль, вы расскажете ему о своих соображениях. Запомните: ближайшая задача — подыскать подходящее место для перехода линии фронта.

12. ЗВЕРИНАЯ ТРОПА

Стояли теплые весенние солнечные дни. Приильменские леса одевались в буйную зелень. Выветрились запахи прелой листвы и подсыхающего мха. На полянах, просеках — там, где обилие тепла и света, яркими красками запестрели цветы.

В такое время не хочется думать о войне, о том, что завтра-послезавтра предстоит опасный рейд в тыл врага. Тем не менее думать приходится, и не только думать, а напрягать все свое внимание, все силы, чтобы найти слабо прикрытое место в линии немецкой обороны.

Иван Платонов сидит на правофланговом наблюдательном пункте артиллеристов. НП устроен на высокой сосне, ничем не приметной в гуще леса, который спускается по крутому пригорку вниз к недалекому заболоченному озерку. Через вершины впереди стоящих деревьев Платонов видит густое мелколесье по ту сторону озера, а за ним — широко раскинувшееся непроходимое болото; слева от болота, среди кустов, тянется фашистская траншея.

Под ногами у Ивана — дощатый настил, закрепленный на сучьях. На железном штыре,

ввинченном в ствол сосны, как и на сотнях других наблюдательных пунктов, прочно сидит стереотруба. Двумя стеклянными глазами она смотрит из-за ствола над вершинами деревьев.

Платонов не отрывается от окуляров стереотрубы. Тихий ветер мерно покачивает сосну, и в окулярах плавно колеблется вся местность. Но наблюдению такой ветер мешает мало.

Уже третий пункт сменил в эти дни Платонов, однако найти незащищенный или слабо прикрытый участок в обороне гитлеровцев пока не удавалось. Кончилась весенняя распутица, вражеские траншеи и дзоты, проволочные заграждения и минные поля опять замкнулись в сплошную цепь.

Крепко сторожили фашисты свою оборону, и в этом им помогала местность. На нашей стороне было куда больше болот и мелких, заросших камышом озер, где ни дзота не построишь, ни боевого охранения не выставишь, но по которым без особого риска можно перейти линию фронта. Не зря генерал Чернядьев постоянно напоминал командирам о защите флангов, организации наблюдения и подслушивания.

Второе утро встречает Иван Платонов на этой сосне. Чутье разведчика и охотника подсказывает ему, что он близко от цели. Небольшое озеро, в которое с двух сторон упирались фланги стрелковых полков дивизии генерала Чернядьева, густые заросли на ничейной полосе между этим озером и болотом, вклинившимся в линию обороны врага, наводили на мысль, что здесь фашистам трудно усмотреть за каждым клочком местности. Об этом же

дважды напоминал сержанту майор Андреев — начальник дивизионной разведки.

Платонов напряженно всматривается в кудрявую зелень непролазного кустарника за озером. Ни одна ветка не шелохнется там. И так второй день — ни малейшего признака, что между озером и болотом есть враг. Но кто знает, как близко примыкает к болоту и кустарнику немецкая траншея, виднеющаяся чуть дальше и левее кустарника?

Сержант поднимает к глазам руку с часами: ровно семь. До одиннадцати, когда ему нужно быть у генерала, целых четыре часа. За это время можно многое успеть.

Уступив место у стереотрубы артиллерийскому наблюдателю, Платонов, держась за сучья, спускается к высокой лестнице, закрепленной с тыльной стороны дерева, и по ней быстро сбегает вниз.

Под сосной сидят Петр Скиба и Игнат Шевченко. Не выпуская из рук автомата и прислонившись спиной к стволу дерева, Шевченко дремлет. Скиба читает томик стихов Гейне на немецком языке.

Петр Скиба до войны был студентом Киевского института иностранных языков и нашел применение своей будущей гражданской профессии на фронте. Знание немецкого языка позволяет ему занимать особое место среди разведчиков, несмотря на его чрезмерную осторожность, которую кое-кто расценивает, как трусоватость.

Однажды, это было еще до прихода Платонова в полк, Скиба, по приказанию командира взвода, на рассвете выполз за передний край.

Там он вырыл себе глубокий окоп и днем должен был наблюдать за фашистским дзотом, в котором разведчики собирались захватить «языка». Наступил вечер, а Скиба не возвращался. Товарищи забеспокоились. Еще немного подождали и пошли на поиски. Нашли Скибу на дне окопа целым и невредимым. Оказалось,— недалеко от окопа немецкий самолет сбросил бомбу, и она не взорвалась. Подозревая, что бомба — замедленного действия, Петр решил переждать в окопе, пока она не «сработает». А бомба так и не взорвалась...

Платонову почему-то вспомнился сейчас этот случай, о котором слышал от разведчиков, и он на миг заколебался: «Стоит ли брать Скибу?» Но выползать за передний край только с одним Шевченко было опасно. И сержант коротко приказал:

— Пошли.

Три разведчика спустились по пригорку к небольшому озеру, покрытому зарослями. Потом, пригибаясь в мелком кустарнике, добрались до дзота, который был соединен узким и мелким ходом сообщения с такой же мелкой траншеей. Земля здесь заболочена, и поэтому дзот возвышается над поверхностью. Это замаскированный зеленью большой квадратный сруб из толстых бревен, а в нем сруб поменьше; между простенками срубов — слой земли, в передней и двух боковых стенках—амбразуры. Бруствер траншеи также выложен из толстых сосновых стволов. Нелегко приходилось в этом гиблом месте солдатам.

В задней стенке сруба на уровне бруствера хода сообщения чернела квадратная дыра —

выход из дзота. Из нее, нагибаясь, выбрался солдат и, удивленный, настороженно спросил у разведчиков:

— Опять саперы?

— Не узнаешь? — ответил Шевченко на вопрос вопросом. Лицо солдата расплылось в улыбке.

— А-а, узнаю: глаза и уши! Может, огоньком прикрыть? Это мы можем. У нас пулеметы наготове.

— Вы старший? — спросил у солдата Платонов.

— Нет, сейчас позову,— и солдат крикнул:— Товарищ сержант!

Из дзота вышел сержант с серым усталым лицом.

— Мы полазим за передним краем, не подстрелите. Дайте огонька левее вон той березки. Только не правее.

Выслушав Платонова, сержант в знак согласия кивнул головой и, не проронив ни слова, направился в дзот.

...Передний край обороны остался позади. Платонов, Шевченко, Скиба, держа наготове автоматы, осторожно пробирались вперед. Справа от них тихо шелестело камышом озеро. Но вот и озеро осталось позади. Начался густой кустарник. Сквозь него можно пробираться только ползком.

Разведчики поползли. Земля под кустарником голая и сырая, в нос бил запах плесени. Ни один луч солнца не мог проникнуть сюда и развеять синий полумрак. Ползли минут десять, прислушивались. Нигде ни звука, только поблизости тенькала пеночка.

Наконец кустарник начал редеть. В просветах между ветками сверкнула гладь совсем небольшого озерка. Платонов удивился: на карте это озерко не обозначено.

Неожиданно выползли на тропу. Она наискосок вела к озеру. Чуть впереди виднелась вторая тропа. Платонов догадался: это звериные тропы. Человеку не пройти по ним в рост: на пути встают заросли, ветки, переплетающиеся низко над землей, хлещут в лицо. Бывалому охотнику было ясно: раз звери ходили к этому озеру на водопой, значит, оно не пересыхает в жару и вода в нем не стоячая.

Иван вспомнил, как отец когда-то передавал ему свой опыт охотника. Старый таежный «волк» учил сына так ходить по лесу, чтобы всегда знать, где ты находишься. Это называлось на языке охотников: «ходить на привязи». Если охотник сбивался с пути, говорили, что он «оторвался от привязи».

«Незнаком лес — не торопись,— поучал отец,— пройди немного, оглянись назад, заприметь сваленное дерево, вывороченный корень или что-нибудь другое. Запоминай, как выглядит твоя дорога,— пригодится на обратном пути. Заблудился — ищи муравейник под деревом. Он всегда будет с южной стороны. Посмотри на ствол дерева — с северной стороны его облепил мох. Теперь и дорогу нетрудно разыскать...

Не каждой тропе верь,— предупреждал старый охотник. — Бьет ветка в лицо, в грудь— уходи с тропы. Эта дорога зверей, к жилью человека она не приведет...»

«Да, такая дорожка к жилью человека не приведет»,— думал Платонов, рассматривая найденную тропу. Коснувшись озера, она запетляла среди кустов и деревьев дальше.

На этой тропе, еще не просохшей под сплошным шатром зелени, у самого озера Платонов заметил свежие следы лап волка. В том, что следы оставлены совсем недавно, Иван не сомневался. Он видел, что даже не успела подняться примятая лапами зверя молодая травинка, не успели завянуть листья на сломанном стебельке бурьяна.

— Вот так находка! — изумленно шепнул сержант, указывая Шевченке и Скибе на тропу. — Чуть бы пораньше — волка вспугнули б.

Изумляться было чему. Война, пришедшая в старорусские леса, разогнала зверей, заставила их переселиться подальше от линии фронта, забраться в непролазные трущобы, где их не пугают рвущие воздух взрывы, где не несет опасным запахом пороха, гари и человека. А здесь волк бродил почти возле передовой. И нигде ни одного отпечатка ноги человека. Значит, немцы не знают про озеро, иначе брали бы из него воду. Это устраивало Платонова.

Разведчики пошли вдоль тропы. Скиба и Шевченко всматривались в заросли, прислушивались, а сержант не спускал глаз с волчьего следа.

Отпечатки волчьих лап были еле различимы. По расстоянию между ними Платонов видел, что волк бежал равномерной тихой трусцой. Значит, зверя ничто не беспокоило.

Но вскоре следы стали более частыми и четкими. Тут волк шел медленнее, осторожнее. Зверь, видимо, чуял опасность. Насторожились и разведчики. А немного дальше Иван увидел примятую траву и клочки шерсти, прилипшие к ней. Было ясно, что здесь волк лежал.

Разведчики остановились. Их слуха коснулся стук топора; он долетал слева. Залегли. Платонов движением руки приказал Скибе и Шевченке не двигаться с места, а сам осторожно пополз влево. Ни одна ветка не шелохнулась над разведчиком, ни один сучок не треснул под ним. Вскоре кустарник поредел, и Платонов увидел в прогалину небольшую возвышенность. «Дзот»,— догадался он и тут же заметил гитлеровского солдата, который на корточках сидел за дзотом и что-то тесал топором.

Платонов еще несколько прополз вперед. Сквозь просветы в кустарнике заметил справа далеко раскинувшуюся заболоченную равнину. Слева виднелся знакомый лес. Где-то там — наблюдательный пункт артиллеристов. Лес спадал по пригорку вниз, к нашему переднему краю.

Теперь Платонову было ясно: до болота можно пробраться незамеченными. А если ослепить этот дзот, то проскочить за линию фронта врага нетрудно. Иван взглянул на часы: десять утра. Через час нужно быть у майора Андреева, а потом, вероятно, и у самого генерала.

В землянке комдива тесно. Здесь, кроме генерала Чернядьева, собрались начальник штаба — седой краснолицый полковник с кос-

матыми нахмуренными бровями, майор Андреев — начальник разведки, лейтенант Сухов и сержант Платонов.

Платонову никогда не приходилось докладывать в присутствии стольких начальников, и он, когда закончил говорить, с облегчением вздохнул и вытер со лба пот.

Все молчали, раздумывая над тем, что сообщил сержант.

Наконец генерал Чернядьев нарушил тишину:

— Интересно! Мы еще раз убеждаемся, как полезно уметь разведчику читать написанное на земле.— Генерал провел ладонью по стриженой голове, и его худощавое смуглое лицо посветлело от улыбки.

— Итак, — продолжал комдив, — у нас имеется два варианта перехода разведчиками линии фронта. Вариант лейтенанта Сухова потребует сильного огневого обеспечения операции и огневой маскировки. Вариант Платонова — небольшой артиллерийской обработки участка левее обнаруженного им озерка. Час назад мы утвердили бы оба варианта. Сейчас нужно выбрать один, так как в тыл врага через линию фронта пойдет только группа лейтенанта Сухова.

Майор Андреев удивленно взвел брови. Генерал Чернядьев поднял руку, предупреждая вопрос начальника разведки.

— Вторая группа, группа сержанта Платонова, будет сброшена на парашютах.

На мгновенье в землянке воцарилось молчание. Чернядьев хитроватым взглядом окинул присутствующих и пояснил:

— Командующий армией предоставляет нам такую возможность. Сержант Платонов со своими следопытами и радиостанцией выбросится сегодня ночью в районе деревни Лубково — это недалеко от хутора Борок,— посмотрит там дорогу на Замочье и выяснит, действительно ли идут к линии фронта свежие силы немцев. Потом установит наблюдение за хутором Борок и будет ждать подхода разведчиков лейтенанта Сухова.

— Товарищ Платонов,— обратился генерал к сержанту,— кто, кроме вас, может показать лейтенанту Сухову разведанный вами проход?

Платонов задумался: «Кого лучше назвать— Шевченко или Скибу?» И тут же твердо ответил:

— Рядовой Шевченко.

— Вот и хорошо. Он познакомит лейтенанта с этим кустарником у озерка, а затем пойдет с его группой.

— Вам, майор Андреев,— комдив повернул голову к начальнику разведки,— срочно уточнить место и время встречи Сухова и Платонова за линией фронта, обеспечить обе группы рациями, кодами и всем другим необходимым. Группа Сухова должна закончить подготовку к завтрашней ночи...

* * *

Отделение разведчиков-следопытов, как было приказано, переселилось в старый сосновый бор, где размещался штаб дивизии. В тот же день на новом месте выкопали и накрыли бревнами просторную землянку.

Уходя из полка, солдат Атаев не успел проститься со своим земляком ефрейтором Укиновым — наводчиком полковой батареи. Атаеву очень хотелось перед уходом в тыл противника перекинуться с другом несколькими словами, сообщить о полученном из дома письме и, конечно, похвалиться своим перемещением ближе к штабу дивизии — в подразделение дивизионной разведки.

Перед вечером дежурный телефонист, расположившийся с аппаратом в землянке разведчиков, отлучаясь, чтобы подвесить линию, упавшую на дорогу, попросил Атаева минуту посидеть у телефона. Атаев обрадовался такому поручению. И как только остался один в землянке, тут же позвонил в полк. Вскоре его соединили с батареей, где служил Укинов.

— Заходи в гости,— послышался в трубке голос земляка.

— Не могу. В тыл собираюсь.

— Будь другом. Я вчера по шоссе стрелял. Посмотри, что там мои снаряды наделали.

— Не до этого! — важно сказал Атаев. — Дела посерьезнее есть.

— Интересные?

— Очень! Возможно, накроем в одном хуторке птичек, которые к нам залетают,— прихвастнул Атаев, вспомнив, что сержант Платонов уже два дня изучает на карте район, в котором находится хутор Борок.

Не подозревал Атаев, что в это время один из разведчиков группы капитана Маргера сидел на дне неглубокого, заросшего кустарником оврага и, включившись в телефонную линию, подслушивал его разговор...

13. СОБЫТИЯ ОДНОЙ НОЧИ

Возле небольшой, сожженной дотла деревушки Сущево, близ дороги, в старом сосновом лесу, расположился медсанбат дивизии. Медсанбат простоял здесь половину зимы и весну, успел обжиться. Были построены бревенчатые срубы, в которых размещались сортировочное, перевязочное, операционно-хирургическое отделения, палаты для раненых, общежитие медперсонала.

К медсанбату был проложен хороший настил, на который указывала приметная стрела с красным крестом и надписью «МСБ», установленная на повороте с грейдерной дороги.

Когда над лесом спустилась ночь, с дороги свернул на настил грузовик, в крытом кузове которого лежали раненые и сидел, примостившись у заднего борта, попутчик в звании подполковника.

У шлагбаума машину встретил офицер — дежурный по медсанбату. Лицо его в темноте разглядеть было трудно. Только по голосу — звонкому, с еле уловимой басинкой — можно догадаться, что офицер молодой.

Выяснив, сколько раненых, откуда они, дежурный попросил подполковника оставить машину и пропустил ее за шлагбаум к сортировочной. Окинув высокую, узкогрудую фигуру приезжего внимательным взглядом, он представился:

— Старший лейтенант медицинской службы Скворцов. Вы, кажется, без направления?

— Да, я здоров,— засмеялся подполковник. — По делу службы к вам.

— Разрешите документы.

— Прошу.

Старший лейтенант при свете электрического фонаря рассматривал удостоверение личности и командировочное предписание, из которых было видно, что подполковник Ерофеев — работник штаба фронта, направляется в войска Н-ской армии для выполнения служебного задания.

— Чем могу помочь? — спросил Скворцов, возвращая подполковнику документы.

— Проводите к вашему начальству. Впрочем, я не ошибся? Раненый пленный у вас лежит?

— А-а, значит, вы по этому делу?

— Да, должен уточнить кое-какие его показания. Надеюсь, он в таком состоянии, что разговаривать с ним можно.

— Чувствует себя после операции хорошо.

Перекидываясь словами, они шли вглубь леса среди маячивших темными массивами срубов. Возле одного сруба Скворцов остановился.

— В этом домике пленный.

— А почему часового не видно? — удивился подполковник.

— Зачем он? У пленного перебита нога, на одной не ускачет. В палате дежурит санитар, оружие у него есть.

Подполковник вспылил:

— Это безобразие! Забываете, что находитесь не в тылу, а на фронте. Немедленно поставьте часового, и чтобы он нес службу по всем правилам!

Потом спросил:

— Из штаба дивизии никого здесь нет?

— Были днем, уехали.

— Да-а, порядочки! — сердился подполковник.

Из темноты вынырнула фигура человека.

— В чем дело? — спросил он. — Кто здесь?

Узнав в подошедшем командира медсанбата, дежурный доложил:

— Товарищ майор медицинской службы, приехал подполковник из штаба фронта. Пленным интересуется.

— Мне нужно пяток минут поговорить с ним,— подтвердил подполковник. — А потом попрошу вас подбросить меня в штаб дивизии или связать по телефону с генералом Чернядьевым.

Командир медсанбата молча проверил документы прибывшего, затем, скользнув по его лицу лучом карманного фонаря, сказал:

— Хорошо. Можете пройти к пленному, а потом прошу вас зайти в штаб. Там решим, как быть.

Старший лейтенант медицинской службы Скворцов ввел подполковника в бревенчатый домик. На небольшой железной печурке стояла лампа, бросая тусклый свет на нары, застланные поверх толстого слоя мелких еловых веток простынями. В углу нар, накрывшись одеялом, спал человек. У печурки сидел пожилой солдат — санитар — и строгал перочинным ножом палку.

— Оставьте нас наедине,— небрежно бросил подполковник.

Дежурный кивнул санитару головой в сторону дверей. Тот взял винтовку, стоявшую у печки, и вышел.

— Я буду по соседству,— сказал Скворцов подполковнику и тоже хлопнул дверью.

Майор медицинской службы Гуляев зашел в свой кабинет — небольшую комнату в бревенчатом доме — и в раздумье остановился у стола. Его немолодое усталое лицо, круглое, с чуть обвисшими щеками и темными кругами под глазами, было нахмуренным. Какое-то смутное беспокойство тревожило Гуляева. Ему казалось, что он должен был что-то сделать сейчас — важное и неотложное, но не сделал. Мысли навязчиво блуждали вокруг прибывшего подполковника. Ему казалось, что напрасно он допустил его к пленному, что не подполковник должен допрашивать пленного. «Почему, собственно, я должен решать, кто может, а кто не может допрашивать пленного? — спрашивал он сам себя. — Это же непорядок! Мое дело обеспечить лечение». Раздумывая так, майор вдруг решительно снял телефонную трубку.

Через минуту он докладывал начальнику штаба дивизии. В ответ услышал:

— Арестовать немедленно!..

Выхватывая на ходу из кобуры пистолет, майор медицинской службы Гуляев бросился к двери.

Присвечивая фонариком под ноги, торопливо бежал он по знакомой дорожке. Вот и сруб, в котором лежит раненый немецкий лейтенант.

Вокруг — ни души. Только чуть в стороне, где располагается транспортный взвод, слышится чья-то песня.

Вдруг из дверей бревенчатого дома навстречу Гуляеву вылетел санитар.

— Сюда! Сюда! — задыхаясь, крикнул он.— Убил, убил его!..

Гуляев резко распахнул дверь и остановился на пороге. Подполковника в комнате не было. Ганс Финке хрипел, на его губах пузырилась красная пена. Беспомощно хватаясь руками за грудь, в которой торчал глубоко вонзенный нож, Финке шептал:

— Герлиц... Карл Герлиц... убийца...

Прибежал дежурный Скворцов.

— Объявите тревогу! — приказал ему Гуляев. — Нужно поймать этого мерзавца...

* * *

Кажется, что самолет стоит на месте. Только изредка чуть встряхнет его, точно на выбоине, и опять монотонно жужжат моторы, опять состояние покоя и неподвижности. Но Платонов, прильнув к окошку кабины, различает своим острым глазом, как далеко внизу, где утонула в ночном сумраке земля, проплывает, тускло поблескивая, река Пола. Заметно и приближение линии фронта. Впереди, куда держит курс самолет, то там то здесь раздвигают темноту красные всполохи — это бьют батареи. Откуда-то из глубины, точно из недр самой земли, время от времени вырываются белые и красные светлячки и, описывая в ночном небе кривую, исчезают. Иногда заметна вспышка в том месте, куда падает светлячок, и кажется,

что он разбивается обо что-то твердое, разбрызгивая сотни искр. Это — трассирующие снаряды. С высоты чудится, что летят они очень медленно и нисколько не опасны.

Платонов отрывается от окошка и окидывает внимательным взглядом солдат своего отделения. Даже при тусклом освещении заметна сосредоточенность на их лицах: всем им, кроме шустрого молодого паренька Курочкина — приданного отделению радиста,— впервые приходится выбрасываться в тылу врага на парашютах.

Вспоминается сегодняшний день, хлопотливый и напряженный. Разведчиков тщательно инструктировали, как пользоваться парашютом, потом предложили сделать по одному пробному прыжку. Петр Скиба отказался: «Я лишний раз рисковать не хочу»,— заявил он. Разведчики подсмеивались над Петром, а новичок Евгений Фомушкин, которого только вчера перевели в отделение из саперной роты по ходатайству лейтенанта Сухова, начал упрашивать инструктировавшего их капитана разрешить ему прыгнуть дважды — за себя и за Скибу. Капитан отказал, а Скибу несколько раз заставил повторить, как и когда дергать за вытяжное кольцо парашюта, как разворачиваться по ветру, держать ноги при толчке о землю...

Линия фронта осталась позади. Внизу— непроглядная темень. Только изредка блеснет озерко или тонкая жилка лесной речушки. Наконец самолет лег на крыло, начал описывать круг. Казалось, что далекая земля вдруг вздыбилась вверх. Платонов заметил знакомые

очертания, точно такие же, как на карте, двух лежащих рядом озер. Справа от них должна находиться деревня Лубково, а слева, в трех километрах, огромная лесная порубка, где предстоит приземлиться разведчикам.

Из кабины экипажа вышел летчик-капитан и хрипловатым голосом сказал:

— Ну, товарищи, приготовиться! Только без спешки рвать кольца!

Открыл дверь, и в самолет пахнула свежая струя воздуха. Иван Платонов почувствовал, как у него в тревоге сжалось сердце, а в коленях и в руках появилась противная слабость. «Страшно,— подумал он. — Легче на медведя с ножом идти, чем бросаться в эту прорву...»

Поглядел на разведчиков: в маскхалатах поверх телогреек, с пристегнутыми парашютами на груди, с вещмешками за спиной, они в полумраке кабины казались неуклюжими и даже беспомощными. Заметил, как побледнел Петр Скиба, перевел взгляд на Атаева, Зубарева, Савельева; понял, что и они чувствуют себя так же, как он. Только веселыми огоньками горят глаза у Фомушкина и у радиста Курочкина. «Юнцы, этим бы побольше приключений»,— мелькнула мысль у сержанта.

Платонов поднялся и точно стряхнул с себя неприятное, давящее чувство. Решительный и уверенный вид сержанта придал бодрости другим разведчикам. Только у Скибы попрежнему не сходила бледность с лица.

— Пора! — крикнул капитан.

Платонов подошел к открытой двери, положил руку на вытяжное кольцо парашюта. Хо-

тел что-то сказать разведчикам, но побоялся голосом выдать свое волнение. Во время тренировочного прыжка днем тоже было страшновато, но не так перехватывало дыхание, не сжималось сердце. Глубоко вдохнув в себя воздух, точно перед броском в воду, Иван нырнул вниз головой.

Вторым шагнул за борт самолета радист Курочкин, за ним — Савельев, Атаев, Зубарев.

Настал черед Петра Скибы. Он решительно подошел к распахнутой двери и вдруг остановился. Евгений Фомушкин, которому не терпелось броситься вслед за товарищами, легонько подтолкнул его в спину. Скиба заупрямился, резко повернулся и ухватился одной рукой за обшивку самолета, а второй за грудь Евгения. Но, потеряв равновесие, полетел за борт, успев сильно дернуть за вытяжное кольцо парашюта Фомушкина. Евгений растерянно оглянулся на капитана-летчика и, прижав к груди полотно своего парашюта, которое, точно пух из распоротой подушки, начало вылезать из чехла, бросился вниз головой.

Капитан широко раскрытыми глазами смотрел в опустевший проем двери. И уже ни к чему крикнул вслед Фомушкину:

— Разобьешься, дурак!..

Потом бросился на пол кабины и высунул голову сквозь дверь наружу. Тут же увидел такое, что похолодел: нераскрывшийся парашют Фомушкина верхним краем зацепился за хвостовое оперение, точно прикипел к нему. Фомушкин болтался где-то сзади самолета на вытянувшихся стропах.

Капитан вскочил на ноги и кинулся за перегородку — в кабину, где сидел экипаж...

Правый, левый крутой разворот, еще и еще. Капитан снова лежит на нижней обшивке и смотрит в раскрытую дверь. Полотно парашюта Фомушкина отодвинулось чуть дальше к краю хвостовой плоскости, но расставаться с самолетом упорно не хотело.

Машина опять легла на крыло, потом выравнялась и рванулась вниз. Казалось, неуклюжее тело большого транспортного самолета сейчас разломится на части.

Когда капитан опять поглядел в открытую дверь, увидел, что парашюта Фомушкина на хвосте самолета нет.

Платонов приземлился среди поляны, покрытой редким мелколесьем, выросшим на месте вырубленного леса. Натянул стропы, погасил упавший на кусты парашют и торопливо отстегнул лямки. Тут же увидел, как недалеко к земле скользнул еще один парашютист. Подбежал к нему и узнал Атаева.

Мелколесье мешало оглядеться вокруг. Минут через десять, как было условлено, Платонов два раза закричал филином. Через некоторое время опять закричал.

Один за другим собирались разведчики. Последним пришел Петр Скиба — в разорванной телогрейке, с поцарапанным лицом. Из-за того, что он промедлил с прыжком,— опустился на лес, а парашют прочно зацепился за ветки сосны. Петр выбрался из лямок и, подтянув-

шись по скрученным стропам к стволу дерева, спустился на землю.

Не явился на зов один Фомушкин. После того, как были закопаны парашюты, его искали до утра, но тщетно.

* * *

В эту ночь произошли еще два важных события. Было перехвачено радиодонесение. Оказывается, код, взятый у лейтенанта Ганса Финке, не устарел. В донесении говорилось:

«Связь с Финке и Герлицем установить не удалось. Наверное, схвачены. Возможно, завтра ночью через линию фронта попытается проникнуть отряд советских разведчиков. Об их задаче русские по телефону говорили так: «Накроем в одном хуторке птичек, которые к нам залетают». Речь идет о хуторе Борок. Примите меры. Операция подготовлена. Сегодня будет осуществлена. — Маргер».

Стояла глухая ночь, когда генералу Чернядьеву принесли это донесение. Генерал не спал. На вошедшего в землянку майора Андреева даже не поднял глаз. Это значило, что комдив сердит. Еще бы: стало известно, что обер-лейтенант Герлиц побывал в медсанбате и убил пленного лейтенанта Финке.

— Диверсии не допустим,— уверенно сказал Андреев, стараясь как-то смягчить неприятное впечатление, которое произвела на Чернядьева радиотелеграмма, говорившая о том, что в тылу дивизии появилась новая группа диверсантов.— На всех объектах — усиленные караулы, люди проинструктированы. Наготове дежурные подразделения.

— Пока что, товарищ майор, фашисты оставляют нас с вами с носом,— хмуро промолвил Чернядьев. — Поймали эту группу Финке и успокоились. Болтунов развелось полно. Найдите, кто проболтался по телефону об операции Сухова. Наказать строжайшим образом... Как Платонов?

— Выбросился. Утром ждем его позывных.

— При первой же возможности сообщите ему, что немцы знают о готовящемся нападении на Борок. Пусть к хутору не приближаются и ждут наших указаний. Операцию лейтенанта Сухова пока отложить.

— Слушаюсь.

— А насчет диверсии не успокаивайте себя. Как видите, лейтенант Финке правду сказал не до конца... Герлиц — повидимому, «майор», которого вспугнул Сухов,— остался без рации, вот и не может связаться с этим Маргером. Но кто он — Маргер? Может, группа из Борка уже начала действовать?

— Трудно сказать,— ответил майор Андреев.

— Ладно, не задерживайтесь,— поторопил его генерал. — Пока есть время, обзвоните тылы и переправы. Пусть не зевают.

Но звонить уже не было необходимости.

* * *

Дмитрий Кедров — тот самый солдат, которого следопыты вырвали из рук фашистских разведчиков — прохаживался вдоль штабелей ящиков, прикрытых густыми еловыми ветками. Рука твердо лежала на автомате. До предела напряжен слух, обострено зрение.

Непривычна для Кедрова служба в тылу после четырехмесячного пребывания в траншеях переднего края. Чудится ему, что тишина таит в себе необъяснимую опасность.

Четыре дня взвод, где служит Дмитрий Кедров, находится в дивизионных тылах. Его, вместе с несколькими другими взводами, сняли с переднего края для прочески леса. А сейчас поставили охранять артиллерийский склад.

Ночь выдалась темная, прохладная. Хотя скоро должно рассветать, Дмитрию кажется, что сосны, столпившиеся вокруг в темноте, придвинулись ближе, а прогалины меж ними, сквозь которые днем можно было видеть далеко вперед, куда-то исчезли. Днем Кедров даже не замечал убаюкивающего шума верхушек сосен, их тонкого посвистывания, а сейчас этот шум мешал прислушиваться к темноте, нагонял дрему.

Бесшумно, неторопливо прохаживается Кедров от одного угла штабеля к другому; за углами тоже стоят часовые — солдат Новоселов и ефрейтор Мухин. Пятнадцать шагов вперед, пятнадцать назад. Потом останавливается, напрягает слух, зорко всматривается в лесную чащу. Взгляд настороженно прощупывает каждый ствол дерева, темную массу кустов орешника, которые солдаты пожалели срубить, расчищая сектор обзора.

Внизу стоит затишье, точно в яме. Почему же тогда шевельнулась ветка орешника? Кедров медленно повернул голову в одну, а затем в другую сторону. Но щеки не почувствовали движения воздуха. Отчего же качнулись ветки? Или показалось?

Дмитрий стал спиной к сосне, о которую упирался штабель ящиков со снарядами, долго всматривался в ореховый куст, напряженно прислушивался. «Ничего подозрительного, показалось»,— подумал Дмитрий. И снова медленно зашагал от угла к углу. Автомат холодил руки.

И вдруг Кедров заметил, что рядом с темным силуэтом большого орехового куста замаячил маленький куст. Это встревожило Дмитрия. Он хорошо помнил, что никаких маленьких кустов вокруг не было.

Стараясь ничем не выказать тревоги, Кедров продолжает прохаживаться вдоль штабеля, кося глазом на кусты. Ему все отчетливее кажется, что маленький куст медленно, почти незаметно приближается к стволу ближайшей сосны. «Не поднять бы зря переполоха»,— думает Кедров.

Словно ничего не случилось, часовой свернул за угол, где стоял на посту Новоселов. Сделал ему знак рукой и упал на землю, из-за ящиков наблюдая за кустом. Ждать долго не пришлось. Кедров отчетливо увидел, как темная фигура согнувшегося человека проворно скользнула к ящикам.

Автоматная очередь эхом раскатилась по лесу...

14. КОНЕЦ БАНДЫ МАРГЕРА

На рассвете на склады артиллерийского снабжения приехали начальник разведки дивизии майор Андреев и рядовой Шевченко Игнат.

Майор в присутствии Игната подробно расспросил солдата Кедрова об обстоятельствах нападения на пост. Затем подошли к трупу диверсанта, лежавшему на том же месте — близ штабелей снарядных ящиков. Убитый был одет в обыкновенную телогрейку, солдатские брюки и ботинки с обмотками. Рядом валялись пилотка и финский нож. Из-за борта телогрейки торчала рукоять пистолета.

Шевченко первым делом осмотрел подошвы и каблуки ботинок убитого. Заметив «слизанную» середину железного косячка на левом ботинке, присмотревшись к расположению гвоздей на подошве, Игнат, нахмурив свои черные брови, сказал:

— Это не та птичка в майорской форме, которую мы гоняли,— не Герлиц.

— Жаль, — ответил Андреев, — а может, Маргер?

— Кто его знает. Документов никаких.

Около куста, указанного Кедровым, на примятой траве валялись четыре пакета взрывчатки, бутылка с горючей жидкостью, бикфордов шнур с взрывателями. Все это бросили диверсанты, застигнутые врасплох внезапным огнем часового.

Майор Андреев тем временем раздумывал: «Одежда диверсантов ничем не отличается от одежды других солдат. Не могло ли случиться, что диверсанты пристроились в каком-либо тыловом подразделении и, войдя там в доверие, преспокойно занимаются своим делом?»

Андреев тут же справился, не исчез ли в эту ночь кто-либо из состава тыловых подразделений. Но все люди оказались на месте. Никто

из офицеров, сержантов и солдат, подошедших взглянуть на застреленного диверсанта, не опознал его в лицо. Все это рассеивало опасения майора. Кроме того, весьма основательные доводы привел Шевченко. Осмотрев склад, который фашисты пытались взорвать, прилегающую к нему местность, а также следы, оставленные диверсантами, Игнат пришел к заключению, что враг действовал наугад.

— В расположении складов диверсантам до этого не удалось побывать. Иначе они полезли бы подрывать снаряды с другой стороны.

Сказав это, Шевченко кинул быстрый взгляд на Андреева, на начальника артснабжения — молодого щеголевато одетого капитана. Заметив, что капитан не очень-то верит его словам, Игнат пояснил:

— Правее дороги у самых складов — овражек, сплошь поросший кустарником. Ясно, оттуда легче было приблизиться к посту, легче напасть на часового.

Выслушав доводы Шевченки, майор Андреев укоризненно посмотрел на артснабженца:

— Оказывается, крепко думать нужно, прежде чем склады располагать.

— Оттуда тоже не укусили б. Охрана надежная,— ответил в свое оправдание капитан.

Шевченко обратился к майору Андрееву:

— Разрешите идти по следу?

— Идите. Вот вам в помощь отделение автоматчиков,— и майор указал своей длинной рукой в сторону выстроившихся на дороге солдат.

Среди автоматчиков был и Дмитрий Кедров. Он смотрел на Игната, точно на волшебника,

боялся пропустить каждое его движение, каждый взгляд. На всю жизнь запомнил Дмитрий разведчиков-следопытов, которые разыскали его на островке среди болот и вырвали из рук фашистских разведчиков...

Цепочка солдат быстро продвигалась по утреннему лесу. Среди толстых стволов деревьев стоял сумрак: раннее солнце не могло пробиться к земле сквозь густые наметы сосновых ветвей.

Игнат Шевченко шел впереди. Он понимал, что первые несколько сот метров диверсанты, напуганные внезапной стрельбой Кедрова, должны были бежать по прямой, в глубину леса. Поэтому вел автоматчиков ускоренным шагом, примечая следы.

В прогалинах между стволами деревьев засветлело небо. Вскоре автоматчики вышли на опушку леса. Перед ними раскинулась неширокая, но далеко тянувшаяся вправо и влево — по обе стороны ручья — поляна. Солнце освещало ее своими косыми лучами, и молодая трава серебрилась капельками росы.

Игнат сразу же заметил, что от того места, где кончается тень деревьев, по искрящейся росистой зелени поляны тянутся три тёмные полосы. Обратили на это внимание и автоматчики.

— Ишь, какую дорогу по росе проторили! — промолвил Кедров.

— Вперед! — скомандовал Шевченко.

Солдаты быстро побежали по поляне к ручью. За ручьем темных полос на покрытой росой траве уже не было.

— Опомнились, гады, начали следы заметать,— сказал Шевченко.

— По воде пошли? — спросил Кедров.

— По воде. Но по илистому дну далеко не уйдут. За мной!

Игнат повел автоматчиков вверх по течению ручья. Ему казалось, что диверсанты побежали именно в этом направлении, так как к лесу здесь ближе. И тут же он вспомнил частое напоминание Платонова: «Только без горячки!» Но так сразу менять свое решение не хотелось, и Игнат пробежал еще шагов десяток. Потом остановился.

«Задание же серьезное. Не до гонору»,— мелькнула мысль. Он остановил автоматчиков, разделил их на две группы и послал одну во главе с Дмитрием Кедровым обратно — вниз по течению.

— Глядите в оба, ни одной царапины на земле не пропустите,— поучал Шевченко.

Обе группы прошли поляну, углубились в лес и вынуждены были возвратиться обратно.

— Никаких признаков,— с досадой доложил Кедров. — Только один след увидели, но и тот из леса ведет.

Шевченко насторожился:

— Где след? Ведите туда.

Вскоре Игнат разглядывал на болотистом берегу ручья замеченные Кедровым отпечатки человеческих ног. Присмотревшись к ним, следопыт снисходительно, с чувством собственного достоинства, пожурил Кедрова:

— Эх, голова! Думать нужно. Если человек шел из леса через ручей, так где же следы на этой стороне?.. Молчишь? То-то...

Кедров уже и сам удивлялся, как он не сообразил, что здесь дело «не чисто». Однако не мог понять, что же подозрительного в этих следах, и растерянно оглядывался на переминавшихся с ноги на ногу автоматчиков.

Игнат, хотя и нужно было спешить, не отказал себе в удовольствии поучить мало смысливших в следопытстве солдат:

— Смотрите мой след,— и он сделал несколько шагов по берегу, покрытому еще не высохшим наносным илом. — Сличите его со следом, который, как вы говорите, идет из леса. Есть между ними разница? Есть. Найденный вами след сделан человеком, который двигался спиной вперед.

Шевченко скороговоркой объяснил солдатам, что при нормальном шаге отпечаток, сделанный краем каблука, обычно глубже всего остального следа, особенно той части, которая выдавливается носком. В этих же следах отпечатки носков ботинок гораздо глубже отпечатков каблуков.

— Ширина нормального шага должна быть больше, чем ширина шага человека, оставившего здесь следы. Это также подтверждает, что человек двигался спиной вперед. Теперь понятно?

— Как у профессора получается,— не без зависти проговорил Кедров.— Неясно только, почему наши следы мельче, чем эти.

— Вопрос правильный,— похвалил солдата Шевченко.— Ведь здесь только один след. Куда же девались следы остальных двух диверсантов?

— Понятно! — обрадовались автоматчики.— Они прошли по следу первого. Поэтому и отпечатки глубоки.

— Верно. А теперь — по следу!

* * *

Вражеские диверсанты хитро заметали следы. Когда на их пути попался еще один лесной ручей, каких здесь много, они прошли по его дну километра два.

Однако Шевченко и автоматчики нашли то место, где выбрались фашисты из воды, нашли их следы в сторону фронта. Долго петляли гитлеровцы по лесу и остановились в густых зарослях, совсем рядом с лесной дорогой и огневыми позициями артиллеристов. Враги рассчитывали, что никто не будет искать их в такой близости от наших войск.

И вот перед Шевченко и притаившимися уже автоматчиками встала стена дикого мелколесья, густого и непролазного. Было слышно, как метрах в двухстах отсюда, за мелколесьем, гудели проезжавшие по дороге автомашины. За дорогой изредка резко ухали орудия.

Игнат сообразил, что дальше этого кустарника диверсанты уйти не могли.

Но как бы не вспугнуть их? Как поступить, чтобы никто из них не улизнул? Шевченко оглянулся на автоматчиков. Мало! Ведь, по существу, кустарник нужно прочесывать, здесь за следами усмотреть трудно, да и можно раньше времени выдать себя.

— Товарищ командир,— обратился Дмитрий Кедров к Шевченке,— а что если пригласим артиллеристов?..

Через пятнадцать минут артиллеристы, поднятые по тревоге, вместе с автоматчиками взяли в кольцо кустарник. Артиллеристов возглавлял молодой краснощекий лейтенант, командир взвода. Кольцо начало сужаться.

Вдруг тишину, висевшую над мелколесьем, вспорола автоматная очередь, вторая, третья. Это не выдержали нервы диверсантов, услышавших, как со всех сторон тихо потрескивает кустарник.

В ответ на это прозвучал звонкий голос лейтенанта-артиллериста:

— Вторая рота, гранаты к бою!

Шевченко, пробиравшийся по кустарнику с отделением автоматчиков со стороны леса, понял хитрость лейтенанта и тут же поддержал ее.

— Первая рота, гранаты к бою! — крикнул он хрипловатым баском.

Из глубины кустарника послышался торопливый, жалкий голос:

— Сдаемся! Не бросайте гранат...

— Выходи на дорогу! — властно ответил лейтенант.

— Выходи на дорогу! — повторил Игнат Шевченко.

Пробираясь сквозь мелколесье, на дорогу, вышли два солдата с автоматами в руках и вещмешками за спиной. Посеревшие от страха лица, широко раскрытые глаза. Они тут же положили на землю оружие и, затравленно оглядываясь на густую цепь автоматчиков, подняли вверх руки.

Последним вышел из кустарника рыжеголовый бледнолицый мужчина также в красно-

армейской форме. Разбитой походкой он приблизился к молодому лейтенанту-артиллеристу, положил к его ногам автомат и, с трудом выговаривая слова, представился:

— Капитан Маргер, офицер немецкой армии. Гитлер капут!..

15. СЛЕДЫ НА ДОРОГЕ

Солнце уже поднялось высоко, когда отделение разведчиков сержанта Ивана Платонова приблизилось к столбовой грейдерной дороге. Позади — большой переход по лесам вокруг деревни Лубково. Этот переход помог разведчикам выяснить, что в районе Лубково, в лесных шалашах и, видимо, в самой деревне совсем недавно стояла воинская часть. Сейчас ее там нет.

Двигаясь через болото, через лес, сокращая путь, Платонов надеялся успеть побыстрее вывести своих разведчиков к грейдеру и, если удастся, понаблюдать на нем передвижение врага.

И вот дорога перед ними. Разведчики лежат в двух шагах друг от друга, в густой зелени молодняка, буйно поднявшегося над почерневшими, укрытыми в траве пнями. Несколько лет назад здесь был вырублен лес.

Нельзя сказать, что это лучшая позиция для наблюдения: в такой гущине трудно сделать шаг, чтобы над тобой не замахали лапчатыми ветвями кусты. А в случае боя такой кустарник не очень-то прикроет от пуль. Зато дорога тут изогнулась, коснувшись вершиной изгиба порубки, и ее можно просматривать далеко вправо и влево.

Платонов лежит чуть впереди цепочки своего отделения и, опираясь на локти, не отрывает глаз от бинокля. Дорога почти пустынна. Недавно по ней промчались три мотоциклиста, да вон вдали дымит сгоревшей соляркой грузовик.

Ивана одолевают тревожные мысли: почему мотоциклисты так напряженно всматривались в лес? Что случилось с Фомушкиным, куда он мог пропасть?

В который раз жалел Платонов, что взял на это задание новенького солдата Евгения Фомушкина: «Непроверенный парнишка, вот и результат... А может, парашют не раскрылся?..» — холодила душу мысль.

Уже пора бы связаться по радио со штабом дивизии, но Платонов медлил: нечего еще сообщать, разве только об исчезновении Фомушкина. Он решил быстрее посмотреть полотно дороги, пройтись вдоль него в направлении к фронту. Это как раз по пути на Борок.

По дороге с ревом промчался тяжелый грузовик. Проводив его взглядом, Платонов встал на ноги.

— Скиба и Зубарев, наблюдайте вправо. Савельев и Курочкин — влево. Атаеву следить за моими сигналами. — Отдав такое приказание, сержант осторожно выбрался из кустарника.

Грейдерная дорога оказалась изрядно разбитой. Посередине — глубокие и широкие колеи, укатанные колесами машин. Однако Платонову ясно, что здесь прошли и танки: на закраинах колеи сохранились зубчатые следы гусениц. На правой стороне грейдера, почти над кюветом, заметны вмятины с рисунком

«елочки». Их оставили колеса пушек. О том, что здесь провезли пушки, Платонов нисколько не сомневался: следы гораздо у́же, чем те, которые оставляют машины; между колеями видны отпечатки широких подков артиллерийских лошадей. Направление следов—в сторону фронта.

Платонов прошелся немного вперед и остановился у того места, где дорога настолько была просохшей, что все следы на ней утопали в пыли. Но и пыль подсказывала Ивану, что прошедшие здесь танки, пушки, машины направлялись к фронту. Сержант знал: колеса и гусеницы при движении захватывают пыль и поднимают ее вверх; пыль тут же сыплется на землю, образуя косые зубцы по окраинам колеи. Острия этих зубцов направлены в сторону движения колес и гусениц.

Нехитрая «арифметика», но знать ее разведчику нужно, да и не только разведчику.

Осмотрев полотно дороги, Платонов вернулся в кусты. Взмахом руки поднял с земли солдат и повел их в глубину зарослей.

Шли цепочкой — один вслед другому,— настороженные, молчаливые, похожие в своих пятнистых маскировочных халатах на сказочные лесные приведения. Одна рука лежит на автомате, другая — вытянута вперед, навстречу упругим веткам, которые хлещут по лицу.

Порубка кончилась, и следопыты вступили в синий полумрак расчищенного леса. Несмотря на густоту леса, здесь, после непроходимого кустарника, разведчики чувствовали себя в меньшей безопасности. Казалось, за каждым ство-

лом дерева поджидает враг — невидимый и потому более опасный.

Но это чувство вскоре прошло, тем более, что через какой-нибудь километр опять начался лес с густым подлеском, давно не видевшим топора лесоруба.

Шли вдоль грейдера в направлении фронта. Разведчики без слов понимали, что сержант Платонов хочет понаблюдать те места, где останавливались на дневные привалы вражеские войска.

Платонова одолевали мысли. Отбивался он от них, точно от назойливых мух, но думы не уходили. Думал о своей далекой сибирской деревушке, о девушке Полине, которая изредка пишет ему письма. В тех письмах скупые деревенские новости: о небогатом промысле сельчан (большинство настоящих охотников ушло на войну), о подготовке к весеннему севу, о том, кто из раненных на фронте вернулся в деревню. И ни слова о другом, что так волнует Ивана. Не пишет Полина о своих чувствах к нему. Однажды он упрекнул ее за это в письме. Ответила коротко и строго: «Дала слово ждать и сдержу его, а повторяться нечего». Ивану очень хочется, чтобы узнала Полина, как он водит своих разведчиков по тылам врага.

Но не узнает об этом Полина. Не умеет Иван рассказать ей в письмах о фронтовой жизни, о своей службе разведчика. Да и ничего нет особенного в этой службе. Не один же он встречается с опасностями...

По грейдерной дороге, которая чуть виднелась слева в прогалинах между стволами со-

сен, с треском пронеслась группа мотоциклистов.

«Чего их носит?.. Не нас ли ищут?» — подумал Платонов. Ему в голову не раз уже приходила мысль, что возможно Фомушкин попал в руки фашистов. Но сержант не допускал и мысли о том, чтобы комсомолец Фомушкин выдал врагу своих товарищей.

И все же где-то в глубине души такое сомнение жило: уж очень мало знал Евгения Фомушкина сержант Платонов.

В лесу царила тишина. Только изредка хрустели под ногами сухие ветки. При каждом таком хрусте Платонов недовольно хмурил брови. Неосторожные шаги разведчиков показывали, что они почувствовали себя в полной безопасности и не заботятся о мерах предосторожности.

Платонов оглянулся на солдат, окинул их строгим взглядом. Заметив, что силач Савельев, сдвинув в сторону автомат, казавшийся игрушечным на его широкой груди, общипывает на ходу своими огромными пальцами лепестки из сорванной ромашки, тихо скомандовал всем:

— Стой!

Разведчики остановились.

— Савельев, возьмите в руки автомат. Кто еще раз наступит на сучок или сломает ветку, получит взыскание,— предупредил сержант и добавил: — Забываете, что опасности нужно остерегаться, пока ее нет. Потом будет поздно.

Разведчики снова двинулись вперед. Савельев взял на изготовку автомат и, не поворачивая головы, как бы между прочим, сказал:

— Цветы почти не пахнут, значит, погода не изменится, хотя и тучи собираются.

— Верно,— скупо похвалил Платонов.— А ну-ка все посмотрите вокруг. Какие еще видите приметы, указывающие, что дождя не будет?

Разведчики некоторое время молчали, оглядываясь по сторонам.

— Атаев, отвечайте! — приказал сержант.

Желтое скуластое лицо Атаева вдруг сделалось сосредоточенным, точно он решал трудную задачу. Но только на мгновение. Блеснув черными, как мокрая смородина, глазами, Атаев ответил:

— Вон в том муравейнике все ходы открыты. Муравьи шибко бегают. Утром роса была. Значит, дождь не пойдет.

— Правильно,— одобрил Платонов. — А что Зубарев скажет?

— Одуванчики открыты, листья на кустах не показывают изнанки, облака высоко. Не быть дождю,— отчеканил Зубарев.

Скиба же припомнил, что сегодня небо перед восходом солнца было серым.

— День будет хорошим,— нехотя сказал он. На его продолговатом лице было написано недовольство: «Чего, мол, зря, говорить о том, что ясно без слов». Но все же пояснил: — В атмосфере мало влаги. Иначе в ней отражались бы лучи солнца, и небо было бы красно, как огонь.

И вдруг лицо Скибы посветлело, на его потрескавшихся губах дрогнула улыбка.

— А ведь Пушкин о погоде тоже писал,— заметил он и чуть нараспев прочитал стихи:

Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную темь,
Умеют уж предречь и ветр и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду...

В середине дня разведчики подошли близко к месту, где грейдерная дорога пересекала ручей. Как и предполагал Платонов, здесь в лесу остались следы больших привалов — по обе стороны дороги трава среди деревьев была вытоптана, кусты обглоданы, сучья и сухие ветки подобраны. Вокруг виднелись остатки многих потухших костров. Видимо, гитлеровцы, как обычно, кипятили в котелках кофе.

Платонов, рыжебровый, с загорелым и обветренным лицом, чуть ссутулившись, стоял под кустом орешника и осматривал живыми, цепкими глазами лес.

— На каждое отделение — костер, значит, здесь отдыхал батальон пехоты,— прикинул он.

Чтобы убедиться в правильности своего подсчета, Иван начал разыскивать следы батальонной кухни. Скоро он нашел две малозаметные колеи, выдавленные колесами, а между ними в одном месте — горку пепла и угля. Трава вокруг была вытоптана. Ясно, что здесь толпились солдаты, получая обед.

По другую сторону дороги снова набрели на следы большого привала. Однако это место внешне отличалось от других. Кое-где валялись коробки из-под сигарет, обрывки газет,

писем. Скиба даже нашел две обоймы от автомата, а радист Курочкин — флягу, кинжал и подсумок с патронами.

— Настроеньице, видно, у этих фрицев неважное,— заметил Зубарев, довольно усмехнувшись всем своим остроносым побитым оспой лицом. — Видно, что не к теще в гости идут...

Находки действительно говорили о том, что здесь отдыхали солдаты, дисциплина и боеспособность которых не очень высоки.

«А почему? — недоумевал Платонов. — Ведь на местах других привалов все признаки указывают на то, что враг подтягивает действительно свежие, непотрепанные части».

Загадку помог разгадать Петр Скиба — знаток немецкого языка. Когда собрали обрывки писем, в одном из них Петр прочитал: «...Напиши, долго ли тебе осталось носить бремя смертника. Я же знаю, что вас посылают в самые опасные места...»

После этого нетрудно было догадаться, что тут дневал батальон штрафников.

На краю большой поляны наткнулись на следы танков.

— Тоже дневали здесь,— высказался скорый на догадку Зубарев.

— Не иначе,— с убеждением подтвердил радист Курочкин. — Видишь, как трава вокруг выбита.

Платонов молча осмотрел следы.

— Здесь стояли средние танки, — наконец заключил он и, уловив недоверчивый взгляд Петра Скибы, пояснил: — Это видно по ширине следа гусеницы и длине машины. Вот вдоль

следа гусеницы бровка из пыли и комочков земли. Пыль и земля ссыпались, когда танк остановился. Длина бровки и равна длине танка. Обратите внимание на пятна от масла...

— А вот здесь второй танк стоял, там — третий,— указывал Зубарев.

Разведчики насчитали следы двадцати семи немецких танков, которые делали в этом месте длительную остановку. Затем отделение сержанта Платонова взяло курс на хутор Борок.

16. ЛОВУШКА

Лес постепенно редел. Вскоре в прогалинах между стволами сосен засветилось небо. Платонов, шедший впереди цепочки отделения, поднял руку, и разведчики тотчас залегли, устремив настороженный взгляд вперед, навострив слух.

В лесу стояла тишина. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь ветви уже с западной половины неба, рисовали на земле причудливые узоры, в которых ярко пестрели синие, голубые, фиолетовые колокольчики медуницы на жестких, мохнатых стебельках, золотистые головки василистника и лютика. Было слышно, как, перелетая с цветка на цветок, жужжали лесные пчелы и шмели.

Тишина убаюкивала. У залегших в траве разведчиков сладко заныли получившие отдых ноги. Петр Скиба с трудом удерживал себя, чтобы не закрыть глаза и не уронить отяжелевшую голову на руки. Ведь позади бессонная ночь и многокилометровый переход по лесам. Клевал носом и молодой радист Курочкин.

У него ноша, пожалуй, наиболее тяжелая, но, несмотря на это, он никому ни разу не согласился уступить свой вещмешок, в который была зачехлена рация.

Платонов стоял у медностволой сосны и, приложив к глазам бинокль, всматривался в прогалины. Ничего особенного не увидев, он повернулся к залегшим разведчикам и заметил осоловевшие глаза Скибы, Курочкина, да и Зубарев, всегда словоохотливый, казался сейчас сникшим. Сержант нахмурил свои брови, распрямил ссутулившиеся больше чем обычно плечи. Его лицо, посеревшее от усталости, сделалось строгим и даже злым. Этого было достаточно, чтобы разведчики зашевелились, сбрасывая с себя дрему и преодолевая усталость.

— Вправо от Савельева — в цепь! — тихо скомандовал Платонов. А когда разведчики проворно перебежали на новое место, сержант внушительно сказал: — Наблюдать за мной и ушами не хлопать. Борок под носом.

Взяв на изготовку автомат, Иван неторопливым шагом пошел вперед. Он, как и остальные его разведчики, также чувствовал большую усталость. Гудели натруженные ноги, ломило в пояснице, а в голове стоял звон, мешавший прислушиваться к лесным шорохам. Но нужно быстрее занять позицию близ Борка, установить наблюдение за хутором, связаться по радио со штабом дивизии, а уж потом можно будет подумать об отдыхе.

Деревья расступились еще больше. Платонов залег и ползком подобрался к видневшемуся на опушке кусту можжевельника. Отсюда перед взором Ивана раскинулся длинный —

километра на три — луг, стиснутый с двух сторон лесом. Через луг, во всю его длину, протекал узкий извилистый ручей. Берега ручья были словно укрыты яркожелтым покрывалом: это золотились лютик и козлобородник. А ближе к лесу густо румянел тысячелистник.

По ту сторону луга виднелся хутор Борок. Платонов долго осматривал бревенчатые стены немногих его домиков, дворы, но не увидел ни одной живой души. Закралась тревога: «А что, если никого там нет? Могли же пленные наврать или напутать?.. Тогда вся затея насмарку».

А время не терпело. И Платонов принял решение: лесом обогнуть луг, приблизиться к Борку.

И вот цепочка разведчиков снова петляет меж деревьями и кустами, снова настороженный взгляд вперед и по сторонам. Но на этот раз идти пришлось недолго. Через полчаса наткнулись на густые, почти непролазные заросли колючего боярышника. Забрались в глубину кустарника и остановились на крошечной полянке.

— База подходящая, — сказал Платонов, оглядываясь по сторонам.— Здесь и отдохнем. Только не все. Атаеву и Скибе оставить вещмешки и идти в разведку, Курочкину развернуть радиостанцию.

Атаев и Скиба, освобождая плечи от лямок вещмешков, слушали приказ сержанта:

— Задача простая: подобраться поближе к хутору и понаблюдать за ним. Но чтоб ни звука. Наблюдать, и только. Ясно?

— Ясно, товарищ сержант,— с готовностью ответил Атаев.

— Ясно,— чуть помедлив, сказал Петр Скиба.

— Старшим назначаю... — Платонов цепким взглядом впился в лицо Скибы: он выбрал для такого дела именно Петра. «Этот напропалую не полезет»,— мелькнула мысль. — Старшим будет рядовой Скиба... И еще запомните: в случае чего, пункт сбора,— и Платонов ткнул пальцем в карту, которую развернул Скиба,— здесь, на болоте. Ищите по следам.

* * *

Атаев и Скиба пробирались сквозь густой подлесок по направлению к хутору. Атаев время от времени надламывал ветки на кустах, перекладывал валявшиеся под ногами сучья: разведчик оставлял приметы, чтобы легче было возвращаться назад, на стоянку отделения.

Вскоре меж деревьями замаячили постройки. Атаев и Скиба легли и ползком начали выдвигаться из глубины леса на его опушку.

До крайнего домика — рукой подать. Хорошо видны окна без стекол, полуоткрытая дверь, заросший бурьяном дворик. На огороде — стог сена, растерзанный, потерявший свою форму. Вокруг ни одной живой души.

— Нужно ближе, чтоб улицу увидеть,— предложил Атаев.

Скиба заколебался: стоит ли спешить? Но тут Петр вспомнил, как он перетрусил, когда выбрасывались из самолета, подумал, что, пожалуй, если б не подтолкнул его Фомушкин, не хватило б у него сил нырнуть в бездну.

И стало стыдно Петру. Весь день его мучила мысль: «А не из-за него ли нет сейчас Фомушкина среди разведчиков? Может, промедлил, спрыгнул, как и он, Скиба, на лес, но более неудачно?..»

Скиба, конечно, и не заметил тогда в горячке, как он рванул вытяжное кольцо парашюта Фомушкина, и поэтому худшего не предполагал.

— Поползли,— согласился, наконец, Петр.

Перевалили через канаву, окаймлявшую огороды хутора и, маскируясь в бурьяне, подобрались к стогу сена. Крайний домик совсем рядом.

Только теперь Скиба и Атаев заметили в его бревенчатой стене амбразуру, прикрытую свежими ветками. Это встревожило солдат — амбразура глядела из-под веток прямо им в глаза.

Разведчики замерли. Прошло десять, может быть, двадцать минут. Солнце уже спряталось за лесом, а следопыты неподвижно лежали на земле, не рискуя двинуться с места.

«Нелегко будет в ночном лесу найти обратный путь»,— подумал Скиба.

В хуторе попрежнему царила мертвая тишина. Можно было полагать, что он давно покинут людьми. Но разведчиков томило тягостное чувство. Тишина казалась зловещей, ничего доброго не сулившей. И Атаев и Скиба начали думать, что зря они вышли из лесу, что хутор таит какую-то опасность.

Тревожная догадка подтвердилась. Разведчики увидели, как из леса, почти в том же месте, где не так давно они лежали на опушке,

выбежала группа солдат в серых тужурках и брюках, заправленных в сапоги. Гитлеровцы! Развернувшись в цепь и держа наготове черные автоматы, они устремились прямо к стогу сена.

— Огонь! — крикнул Скиба.

Оглушительно застучали два автомата.

В этот миг из-за дома выскочила вторая группа солдат. Скиба не успел повернуться в их сторону, как в это время откуда-то со стороны, с опушки леса, ударила по фашистам длинная автоматная очередь. «Кто стреляет? Неужели сержант послал прикрытие?»

Эта очередь сразила нескольких солдат и заставила залечь всю группу. Фашисты, охватывавшие кольцом Скибу и Атаева, не стреляли, надеясь, видимо, взять разведчиков живыми. Зато лес рядом наполнился стрекотом автоматных очередей.

«Неужели и отделение засекли?! — тревожно подумал Скиба. — Да это же настоящая ловушка!..»

У самого уха разразился резким стуком автомат Атаева. Скиба толкнул локтем товарища под бок и крикнул:

— Беги к лесу, пока не окружили!

Но тот, сделав вид, что не расслышал, продолжал стрелять.

— К лесу! — сурово приказал Скиба.

Атаев кинул на Петра горящий, негодующий взгляд, но ослушаться приказания старшего не посмел. Он быстро подхватился и стремительно побежал через огороды. Скиба, прикрывая отход товарища, не переставал стрелять из автомата по немцам, залегшим у дома. Потом посмотрел вслед Атаеву и, увидев, что тот до-

стиг опушки леса, вскочил на ноги; еще раз полоснул длинной очередью, пригнувшись, забежал за гумно и скрылся из глаз преследователей. Отсюда Петр повернул к большому пепелищу, видневшемуся в стороне. Но вдруг ноги его потеряли опору, и Скиба рухнул в какую-то яму. В нос ударил запах прели, сырости. Петр попытался выбраться наверх, но почувствовал острую боль в ступне правой ноги.

Вверху, меж склонившимися стеблями бурьяна, виднелся клочок уже темного вечернего неба. Скиба направил туда автомат, приготовившись к смертельной схватке...

Свое донесение в штаб дивизии об исчезновении Фомушкина, о результатах разведки района деревни Лубково и дороги на Замочье Платонов закончил словами: «Сейчас силами двух человек веду разведку хутора Борок. Группу Сухова сможем встретить в назначенное время».

Передав по рации донесение, Курочкин перешел на прием. Штаб некоторое время молчал, видимо, расшифровывая радиограмму. Затем рация заработала.

Первые же строки взволновали Платонова. Из штаба сообщали:

«Немцы ждут вашего появления у хутора Борок. Немедленно уходите. Ждем ваших позывных через два часа».

В это время со стороны хутора послышалась автоматная стрельба.

— Отделение, к бою! — тихо, но властно скомандовал сержант Платонов.

* * *

Поредевшее отделение разведчиков встретило рассвет километрах в десяти от хутора, в том месте, где был заранее намечен пункт сбора, на случай, если посланные в разведку Скиба и Атаев никого не застанут на прежней стоянке. Здесь в густых зарослях лозняка, укрывших зыбкий островок среди труднопроходимого болота, коротали остаток ночи. От боя с гитлеровцами, прочесывавшими лес вокруг Борка, уклонились. Нельзя было выявлять свои силы, нельзя дать возможность врагу обнаружить местонахождение разведчиков.

Платонов сидел на высокой мохнатой кочке и напряженно глядел в расстеленную на коленях топографическую карту, точно хотел найти там ответ на вопрос: «Что случилось со Скибой и Атаевым, где Фомушкин?»

Обуревало желание подобраться к хутору, попытаться выяснить, что там произошло. Но майор Андреев строго-настрого по радио запретил приближаться к Борку.

Лицо Платонова за ночь еще более потемнело, осунулось. На нем была написана крайняя озабоченность и напряженное ожидание. Такое же ожидание застыло на усталых лицах Савельева, Зубарева, Курочкина. Все они, как и сержант, настороженно прислушивались к шелесту кустов, к каждому шороху на болоте, ожидая, что вот-вот выглянет из-за лозняка скуластая, с чуть раскосыми глазами физиономия Атаева, появится кряжистая фигура осторожного

Скибы. Не зря же Платонов ночью, уводя разведчиков от преследования, то и дело оставлял на кустах, стволах деревьев, на земле приметы, по которым исчезнувшим следопытам легче будет разыскать товарищей. Солнце поднялось выше. В недалеком лесу и в кустарнике на островке начал утихать утренний концерт птиц. А разведчики все сидели и ожидали.

«Потерпим еще час. Не придут, значит, ожидать нечего»,— твердо решил Платонов.

— Тс-с-с,— вдруг зашипел Курочкин, хотя никто не нарушал тишины. Послышался шорох кустов и хлюпанье болотной жижи. Разведчики насторожились, взялись за автоматы.

Минута томительного ожидания. Острый глаз Платонова первый заметил тупое рыльце автомата, просунувшегося сквозь кусты лозняка. Вслед за этим показалась фигура в маскировочном халате. Остроносое лицо, настороженный взгляд, седоватые брови с золотинкой.

— Фомушкин!.. Женя!.. — с изумлением и неудержимой радостью в один голос воскликнули разведчики, позабыв об осторожности.

Фомушкин, опустив автомат, бросился в объятья товарищей. Потом Фомушкин повернулся назад и тихо позвал:

— Скиба, иди! Здесь они.

Из зарослей выглянула черная непокрытая голова Скибы. Встретившись взглядом с товарищами, Петр радостно улыбнулся. От этого его продолговатое лицо посветлело, хотя с него и не исчезла тень усталости и горечи. Скиба шагнул вперед, и разведчики увидели, что он держит правую ногу на весу и опирается на палку...

Первым докладывал Скиба. Рассказывал, как они с Атаевым попали в ловушку, как, уходя от погони, он нечаянно свалился в заросший бурьяном погреб и вывихнул ногу.

В погребе Скиба лежал долго, прислушивался, как немцы искали его на огородах. Ему удалось уловить фразу, брошенную каким-то фашистом: «Этого раненого доставили обер-лейтенанту Герлицу, а второй русский будто сквозь землю провалился». Значит, Атаева захватили раненым.

Вскоре в хуторе воцарилась тишина, и Скиба, прислушиваясь к автоматным очередям в лесу, раздумывал над тем, что делает сейчас отделение и кто мог поддержать его с Атаевым огнем в ту трудную минуту, когда гитлеровцы брали их в кольцо. А потом, когда все вокруг успокоилось и наступила ночь, Петр услышал возле погреба шелест бурьяна и вслед за этим шопот:

— Скиба, живой ты или нет?

Это был Евгений Фомушкин.

Фомушкин рассказал о своем неудачном прыжке с парашютом и о том, с каким трудом удалось летчикам сбросить его с хвоста самолета. Приземлился Фомушкин на лесную поляну близ того места, где грейдерная дорога пересекала речушку. Сориентировался по карте и определил, что он находится в двенадцати километрах от Борка. Так как найти отделение было невозможно, Евгений решил идти к хутору и там ждать товарищей.

Рассвет застал его у Борка. Фомушкин выбрал наиболее ветвистую сосну на опушке леса, забрался на нее и замаскировался. Ут-

ром видел, как немцы расставляли в засаду своих солдат, но предпринять ничего не мог: его наверняка схватили бы, если б спустился с дерева, к тому же он не знал, с какой стороны могут подойти к хутору разведчики. Оставалось одно: ждать.

Скибу и Атаева Фомушкин заметил в тот момент, когда гитлеровцы начали их окружать. Невзирая на опасность, Фомушкин открыл огонь из автомата. В суматохе боя фашисты не разобрались, кто и откуда стрелял по ним.

Видел Фомушкин, как свалился в какую-то яму близ пепелища Скиба, как упал раненый Атаев и на него набросились враги...

Потом вместе со Скибой они лежали в бурьяне на огородах, прислушивались, наблюдали, как фашисты грузили какое-то барахло в большой автобус. Тут Фомушкин чуть не выдал себя. В свете фар он увидел высокого немца в офицерской форме и узнал в нем «майора» — старого «знакомого», которого не так давно искали они по коровьим следам и которому удалось тогда улизнуть. Фомушкин вскинул автомат, но Скиба во-время успел схватить его за руку.

К середине ночи гитлеровцы покинули хутор. Бронетранспортером они поволокли большой автобус по дороге за ручей.

17. ПО ПЯТАМ КАРЛА ГЕРЛИЦА

Короткой кодированной радиограммой Платонов сообщил майору Андрееву о происшедших событиях и о своем решении начать розыски Атаева. Из штаба ответили:

«Вступать в бой с противником только в крайнем случае. Разведку ведите со всеми мерами предосторожности. В 18.00 ждем ваших сообщений. Андреев».

Скиба в это время мастерил себе костыль из ствола не совсем ровной, но крепкой березки. Ему помогали Фомушкин и Савельев.

Расшифровав полученную радиограмму, Платонов бросил беспокойный взгляд на Скибу. Петр уловил этот взгляд и понял мысли сержанта.

— Смогу пройти хоть сто километров,— сдержанно промолвил он. Потом усмехнулся и добавил: — Деревянная нога меньше уставать будет.

— Сможешь не сможешь, а идти надо,— ответил Платонов. Развернув карту, он подозвал к себе разведчиков.

— Значит, немцы уехали вот по этой дороге?

— По этой самой,— подтвердил Скиба.

— Стало быть, здесь и нужно «привязываться» к их следам.

Платонов учитывал, что хутор лежит в стороне от больших дорог, машины проезжают через него редко. Значит, можно было надеяться, что следы, оставленные ночью немцами, уехавшими из Борка, не затерты, тем более, что гусеницы бронетранспортера, которым гитлеровцы буксировали автобус, должны были оставить четкие отпечатки.

* * *

Прежде всего Платонов решил обследовать полотно дороги, подходящей к Борку с противоположной стороны. Чтобы не пойти по лож-

ному следу, сержант хотел выяснить, не проезжал ли сегодня через Борок какой-либо другой транспорт.

Направились к дороге. Поляны обходили, просеки переползали. Неожиданно заметили перед собой узкую обнаженную пепельного цвета полосу земли. Это и была дорога, стиснутая с двух сторон тучной зеленью леса.

На дорогу вышли только двое — Платонов и Савельев. В пыли они рассмотрели мелкие колеи, выдавленные колесами прошедших машин.

Когда и в какую сторону прошли машины? Может быть, они своими колесами стерли нужные разведчикам следы по ту сторону хутора? Не выяснив этого, нельзя было продолжать разведку.

Рисунок следов казался нечетким, давним. Но Платонов учитывал, что на пыльной дороге самый свежий отпечаток может при одном дуновении ветра превратиться в «старый». Пытались найти меж колеями следы брызг масла, по которым легко узнать, в какую сторону ушли машины, но это не удалось.

Фомушкин, Зубарев, Курочкин и Скиба тем временем шли лесом, немного впереди Платонова и Савельева, приготовившись в случае опасности прикрыть отход товарищей огнем автоматов.

За поворотом дороги Платонов и Савельев увидели большую лужу. Обрадованно подошли к ней. По этой заплесневевшей лесной воде можно будет разгадать, в каком направлении и как давно проехали немецкие автомобили.

Разглядев следы машин близ лужи, Платонов удовлетворенно заметил:

— Все в порядке.

Разведчикам было известно, что при переезде через лужу или наполненную грязью выбоину колеса машин разбрызгивают воду и грязь наискось по направлению движения и, кроме того, оставляют за собой влажные следы, отчетливость которых уменьшается по мере удаления машины.

По этим признакам установили, что все прошедшие здесь машины ехали со стороны хутора. Другие приметы — комки грязи, выброшенные колесами из лужи и уже высохшие,— подсказали, что машины прошли здесь еще вчера.

Не теряя времени, разведчики лесом обогнули Борок и вышли на дорогу с противоположной стороны, в двух километрах от хутора.

На дороге Платонов и Савельев разглядели запоминающиеся следы, оставленные тяжело груженным автобусом,— две широкие колеи и по краям их четкие отпечатки гусениц бронетранспортера.

Дорога нескончаемо юлила между зарослями и болотами наискось к фронту. Именно к фронту держала путь группа специального назначения, которую возглавлял опытный разведчик, бывший аспирант шпионской школы «Орденсбург Крессинзее» обер-лейтенант Карл Герлиц. Это могло означать только одно: Герлиц, несмотря ни на что, собирался забросить змеиный выводок за линию фронта.

Сержант Платонов терпеливо вел горстку своих солдат вдоль дороги. Шли лесом, проби-

рались сквозь кустарники, переползали или обходили открытые места. Молчали, избегали встречаться друг с другом взглядами. Думали об Атаеве, попавшем в руки врага. Каждому казалось, что и он виноват в этой неудаче.

Петр Скиба замыкал цепочку разведчиков. Он скакал на одной ноге, стараясь подальше вперед выбрасывать самодельный костыль. Беспокоила боль в ступне, горела кожа подмышкой. Особенно трудно было ему идти кустарником. Но стойко переносил трудности Петр, изо всех сил старался не отстать от товарищей, не задержать их. Что это за испытание для него по сравнению с тем, какое выпало на долю Атаева!

Путь разведчикам перерезала широкая просека. Платонов первым выполз на открытое место, огляделся по сторонам и, махнув рукой солдатам, ползком двинулся дальше. Когда оказался на середине поросшей негустой травой просеки, вдруг заметил на песчаном грунте знакомые следы буксируемого автобуса. Что за чертовщина? Неужели фашисты свернули с дороги и двинулись напрямик к фронту? Это требовалось проверить.

Платонов круто повернул назад. Пришлось выйти на дорогу и осмотреть ее. Оказалось, немцы действительно свернули с дороги на просеку.

Вдоль просеки идти было удобнее и безопаснее. Разведчики ускорили шаг. Платонов на ходу развернул карту и проследил взглядом, куда ведет просека. Выяснилось, что через километров пять она пересечет рокадную, иду-

щую вдоль линии фронта, дорогу. «Неужели выедут на эту магистраль? — с тревогой думал Платонов. — Там идти по следу будет труднее...»

Через полчаса ходу острый слух разведчиков уловил лязг железа. Где-то впереди и чуть правее в глубине леса точно стучали молотом по наковальне.

Завернули вправо от просеки. Здесь лес был погуще, с подлеском.

— Савельев и Фомушкин — в головной дозор! — распорядился сержант.

Опять пошли—вслед за маячившими метрах в тридцати впереди широкоплечим могучим Савельевым и по-мальчишески стройным, тонким Фомушкиным. Стук железа доносился все отчетливее, и дозорные держали направление прямо на него.

Вдруг Савельев и Фомушкин остановились и тут же упали на землю. Савельев поднял над головой автомат, что означало: «замечен противник».

Отделение залегло, а Платонов быстро перебрался к дозорным. Впереди, в прогалине между деревьями, виднелась серая парусиновая палатка. Платонов чуть прополз в направлении к ней и увидел другие палатки, а рядом с ними несколько грузовиков, бензоцистерну и огромный серый автобус, еще не отцепленный от бронетранспортера. По лесу гулким эхом разносился стук железа, громкие голоса, урчание моторов.

Фашисты чувствовали себя в безопасности.

* * *

Отделение укрылось в глухих зарослях неподалеку от обнаруженного лагеря немцев. Не было в отделении только Савельева и Фомушкина. Они лежали в кустах под самым носом у фашистов и наблюдали за ними.

Ровно в 18.00 радист послал в эфир свои позывные. Из штаба поступил приказ: «В квадрате 27-18,Б (это означало — у стыка просеки и дороги, по которой немцы буксировали автобус) отделению разведчиков Платонова ждать прихода разведотряда лейтенанта Сухова. После объединения с отрядом действовать по указанию его командира».

Ждать пришлось целую ночь. Только на рассвете очередная смена дежурных—Платонов и Зубарев — услышали, как в стороне просеки ухнул филин. Это — условный сигнал. Мгновенно все разведчики были на ногах.

— Угу-у! — ответил Платонов.

От сосны к сосне, держа на изготовку автоматы, осторожно приближались к просеке. Еще несколько шагов — и лес начал редеть. Над просекой стелился туман, совершенно незамечаемый в глубине леса. Вокруг — ни души. Может быть, разведчики услышали не сигнал, а крик настоящего филина, потревоженного предутренней прохладой? Несколько минут стояли, прижавшись к соснам, не выдавая себя ни единым движением. Потом Платонов, приложив ладони ко рту, снова, но уже более тихо закричал филином.

От дерева впереди отделилась фигура человека. Платонов тотчас же узнал в ней Игната Шевченко и шагнул ему навстречу с распростертыми руками. Не успел обняться с ним, как сзади облапили Ивана могучие руки лейтенанта Сухова.

Из кустов высыпали остальные разведчики.

Еще не взошло солнце, не улетучились из леса сумерки, как отряд советских разведчиков приготовился к нападению на вражеский лагерь. Перерезаны провода линии связи, распределены обязанности между группами, залегшими в лесу вокруг лагеря.

В лагере тишина и безлюдье. Только несколько часовых, поеживаясь, прохаживались между палатками и возле машин.

Вдруг автоматная очередь полоснула по часовым. Казалось, лес ответил ей многоголосым эхом. Но это было не эхо. Ударили многие автоматы, застрочил пулемет. Разведчики вскочили на ноги и вихрем налетели на лагерь...

* * *

Лес звучал веселым говором птиц. Всходило солнце, видимое только верхушками деревьев. И хотя солнечные лучи еще не коснулись остывшей за ночь земли, не пробились к ней сквозь высокие наметы ветвей, разведчикам казалось, что лес сегодня не такой угрюмый и неприветливый, как обычно. Выполнив задание, они уходили вглубь лесной глухомани, вглубь болот. А впереди, со связанными ру-

ками, шли девять пленных — девять уцелевших в недавней схватке фашистов, которые было приготовились к выброске в тыл советских войск. И вот сегодня их ведут за линию фронта, но ведут далеко не так, как им хотелось бы.

Впереди колонны пленных бредет обер-лейтенант Карл Герлиц. Неприглядный вид у шефа гитлеровских лазутчиков: отвисшая челюсть, пожелтевшее лицо, белые губы, дикие глаза; на опущенных плечах — разорванный мундир. Разве в мечтах такой конец своей карьеры видел он?

Радость каждой победы на войне всегда омрачается потерями, ценой которых досталась победа. Омрачена радость и разведчиков. Савельев, Зубарев и еще два солдата из отряда лейтенанта Сухова несут на носилках, сделанных из плащ-палатки, тело Атаева. Умер он в страшных муках, но ничего не сказал фашистам, не выдал тайны, не нарушил присяги.

Сзади несут двух раненых разведчиков. Рядом с ними скачет на одной ноге и на костыле Петр Скиба. У него забинтована голова. В бою Скиба не отстал от товарищей, не дал молчать своему автомату.

Евгений Фомушкин шагает в ногу с Игнатом Шевченко. У обоих сияют глаза. Позади ведь столько пережито и сделано.

Чуть ссутулившись, бесшумно ступает Иван Платонов. На его потемневшем мужественном лице заметна усталость. Глаза спокойные, задумчивые. Кто знает, о чем думает Платонов... может, о девушке Полине из далекой сибир-

ской деревни, может, о делах, которые ждут его впереди.

Тихо шумит верхушками сосен лес, вздыхает и посапывает укрытое зеленью болото, прерывисто рокочут вдали орудия. Идет война, и смелые труженики войны — разведчики — держат путь навстречу новым опасностям и победам.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы и замечания на эту книгу по адресу: Москва, 104, Тверской бульвар, 18, Управление Военного Издательства.

Цена 1 р. 25 к.